

Венганза. Рокировка

Автор:

Юлия Герман

Венганза. Рокировка

Юлия Михайловна Герман

Он лишил меня всего: семьи, положения в обществе, самоуважения, достоинства, свободы и способности чувствовать. Единственное, что не удалось отобрать этому монстру, которому я добровольно преподнесла свое сердце – мою жизнь. Он рвал моё тело и душу, ломая как дешевую игрушку. Втапывал в грязь, наслаждаясь моей агонией. Но я выжила. И теперь игра будет идти по моим правилам. Выйти из неё живым у него нет ни малейшего шанса. В оформлении обложки использована фотография автора feedough под кодом 33752331 с сайта depositphotos. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Выплывать из бездны, на дно которой меня поместил человек, ставший одновременно моим адом и раем, поднял на вершины счастья и безжалостно спустил на землю, превращая каждый вздох в мучения, оказалось непосильной задачей. Как только мне удавалось подобраться к поверхности воды, сквозь которую светили солнечные лучи, его сильная любимая рука снова отправляла меня на самое дно, привязав к шее неподъемный камень, убеждая, что никогда не смогу выплыть обратно без его помощи. Тогда я начинала просто мечтать о собственной гибели, смиряясь с уготованной участью. Но, как я убедилась позже, моя смерть в его планы не входила. Ему доставляло извращенное удовольствие ломать меня снова и снова, погружаясь в пучину безумия, затягивающую нас обоих. Иногда я видела в его родных, и в тоже время, настолько незнакомых глазах проблески отчаяния, видела того человека, который завладел моим сердцем. Стоило Диего понять, что демонстрирует мне свою слабость, и его место занимал Ангел. Беспощадное, расчетливое,

кровожадное чудовище, терзающее моё тело и душу. В нашу последнюю встречу Диего избавил меня от наркотического дурмана, заставив мучиться от болезненной реальности. Его забота пугала. За все это время я успела понять, как сильно ему нравилось давать надежду на избавление от мучений и снова показывать мою ничтожность в его мире.

Время без кокса превращалось в бесконечную тягучую субстанцию, съедающую меня изнутри. Я каталась по кровати из стороны в сторону, истязая себя воспоминаниями. Во мне не оставалось ни сил, ни желания, даже чтобы подняться на ноги. Я просто ждала его приговора, молча давась слезами отчаяния, перестав ориентироваться во времени. От Диего не было никаких новостей несколько суток. Я не знала, радоваться этому или пришло самое время насторожиться. Только я знала, что любые мои предположения окажутся неверными, бесполезными. Моя жизнь мне не принадлежала.

После нескольких дней ломки, самоистязаний и полного равнодушия к окружающему миру на мой телефон пришло смс от Диего:

«Собирайся. Выходишь на работу. Через двадцать минут за тобой приедет машина».

Сообщение не вызвало никакого удивления. На самом деле, все это время я ждала очередной порции унижений. Поверить в то, что Ангела искренне заботит мое состояние, оказалось невозможным. Слишком упорно он доказывал обратное. Время вдали от наркотиков и разврата расслабило меня. Зная, что так будет, он ни намёком не дал понять о возможности возвращения к работе. Теперь, явно хотел, чтобы я прочувствовала полную глубину своей ничтожности, находясь в абсолютной трезвости.

Ровно через тридцать минут у ворот особняка меня забрала машина, доставившая по привычному маршруту в место, переполненное похотью, алкоголем и отсутствием надежды на будущее. Я не понимала, почему многие девочки, танцующие на сцене и торгующие собственным телом, получали удовольствие от работы. Также как и не понимала их радости от полученных денег, взятых из рук грязных ублюдков, видящих в них лишь тело, готовое удовлетворить любым извращенным способом. Я видела, как порой некоторых девочек выносили без сознания после очередного «привата», а потом они пропадали, восстанавливаясь неделями. Многие танцовщицы оказались здесь насильно, со временем научившись наслаждаться своим делом. Были также и те,

кто пришел в клуб добровольно. Среди таких далеко не все соглашались на приватные танцы, довольствуясь лишь выступлениями на сцене. Но, несмотря на редкие исключения, даже «свободные» девочки с удовольствием брали заказы, при мысли о которых к горлу подкатывала тошнота.

На шатающихся ногах я прошла к своему столику в гримёрке, собираясь готовиться к выступлению. Из зеркала на меня смотрел призрак той девушки, что когда-то мечтала лишь освободиться от необходимости слепо подчиняться решениям отца. В результате став заложницей человека, который, как она надеялась, спасет её из скользких лап выгоды и тщеславия. Я усмехнулась отражению, взяв в руку баночку с кремом. Какой же дурой я была!

Грохот и крики, доносящиеся из основного зала, заставили девочек подскочить с мест и обернуться к входу в гримёрку, прислушиваясь к шуму. Тяжелый топот нескольких пар ног приближался, неся с собой нечто, чего ни одна из нас не могла ожидать. Внутри комнаты повисла напряженная тишина, словно на подсознательном уровне все девочки уже знали, что принесут с собой обладатели этих шагов. Я не отводила взгляда от девушки в зеркале, не оборачиваясь к двери. Казалось, стоит развернуться, и от неё останется лишь дым воспоминаний. Я жадно всматривалась в каждую потухшую черту, пытаюсь разглядеть в потускневших глазах страсть, пылавшую в них всего несколько недель назад.

Дверь распахнулась, и комната заполнилась визгом девочек. Мужские голоса кричали, чтобы мы выбирались на улицу. Я по-прежнему смотрела в зеркало, не двигаясь с места. Одно движение – и хрупкая иллюзия пародии на жизнь будет разрушена. В отражении полуголые танцовщицы, подгоняемые дулами автоматов, покидали помещение. Огромный мексиканец ткнул меня оружием в спину, чтобы я сдвинулась с места. Поторапливаемая стволом, упершимся между лопаток, выбежала на улицу вслед за остальными девушками. Не беспокоясь о ссадинах, оставляемых грубыми толчками, нас распихали по нескольким фургонам. Плотнo закрыв двери, охраняемые изнутри двумя вооруженными мексиканцами, машина тронулась с места с визгом покрышек. Происходило нечто ужасное. Напряжение в фургоне нарастало, превращая крупницы спокойствия, сохраняемого некоторыми из девочек, в истерику. Машина наполнялась плачем и криками. Джесс вскочила на ноги, принявшись долбить кулаками о кузов фургона.

– Выпустите меня! – кричала девушка. – Ублюдки, выпустите! Что ж вы делаете, сволочи! Выпустите! – её крики перерастали в завывания.

Один из охранников поднялся на ноги, замахиваясь прикладом автомата ей в голову.

– Заткнись, сука! – прорычал он.

С глухим грохотом девушка повалилась на грязный пол, окрашивающийся рядом с её головой в алый цвет.

Девочки завизжали ещё громче, увидев подругу с разбитой головой на полу. При виде чужой крови меня затрясло. За все это время я настолько привыкла к собственной боли, что забыла, каково это – видеть страдания других. Кровь, растекающаяся по полу, напомнила, все девочки в этой машине – они ещё живы в отличие от меня. Каждая дышит, верит и надеется на будущее, которого возможно никогда не будет. Не знаю почему, но я была уверена в цели данной поездки. Ни одна из нас не должна вернуться обратно. Ещё утром мне было все равно, какое решение примет Ангел. Но сидя среди отчаявшихся, оплакивающих заранее свои жизни девушек, не видя его глаз, так равнодушно выносивших приговор, захотелось жить. Захотелось, чтобы этот подонок сам набрался мужества и сделал то, на что не хватало смелости. Все это время я была жива лишь из-за его трусости. Но он нашел выход из положения, поручив уничтожить меня вместе с остальными. Оставалась непонятна причастность к происходящему остальных танцовщиц. Крохотный проблеск надежды в груди просил не делать поспешных выводов. Возможно, все обстоит не так, как мне кажется. Этот проблеск нещадно растаптывался запахом смерти, витающим в воздухе. Вместо людей в фургоне сидели живые покойники, от которых исходил трупный смрад.

Спустя какое-то время, машина затормозила, заставив затаить дыхание. Я слышала, как громко бьется мое сердце, отбивающее последнюю дробь. Девочек вытаскивали из машины, но вместо их криков в ушах шипело. Охранник дернул меня за руку, выкидывая из фургона. Я выпала на сырую землю. Вокруг виднелись лишь деревья без каких-либо признаков жизни поблизости. Девочек выстраивали в ряд, держа на прицеле и не давая дернуться с места. Меня толкнули в ряд. Встав в линию, я поняла, что мы на краю огромной ямы, разинувшей пасть и дожидаящейся своих жертв. Шипение в ушах заглушило собственное частое дыхание. Я смотрела перед собой и видела направленное

мне в лицо дуло автомата, смотрящее на меня черным глазом смерти. Я зажмурилась, не желая встречать погибель с широко раскрытыми глазами. Передо мной возникла улыбка Диего, сводящая с ума, наполненный страстью взгляд, нежные прикосновения... Череда выстрелов, пронзающих лесную тишину, и разрывающая грудь боль...

Задышавшись, я подскочила на постели, промокая от холодного пота. Уже месяц, стоило мне закрыть глаза, как приходилось заново проживать этот день. День смерти Марины Асадовой.

Глава 1

Время превратилось в зыбучий песок, постепенно засасывающий меня с головой без возможности выбраться обратно. Месяцы, проведенные во мраке отчаяния и раздирающего грудь бессилия, слились в мельтешащую массу. Бесконечные часы пустых поисков, ярости и жажды расплаты с виновниками произошедшего не облегчали боли от потери, разъедающей кости и вытягивающей ошметки, называемые когда-то душой. В моем теле поселилась бездушная машина, выполняющая ежедневно одни и те же функции, отдающая одни и те же приказы, мысленно проживающая одни и те же дни и лишившаяся надежды на будущее. Я потерял счет времени, перестал стремиться куда-либо успеть. Первые часы, дни, недели решимость найти Марину горела во мне ярким пламенем, но с каждым новым пустым днём этот огонь постепенно затухал, оставив вместо себя пепелище. Снова и снова я прокручивал тот день, когда решил, будто потерял её безвозвратно. Вспоминал, как рыл чертову землю, словно псих, надеясь на то, что найду её живой под грудой земли. Я отчетливо помнил каждый момент того гребаного дня.

Мои руки до сих пор чувствовали прикосновение к обнаженной коже под мокрой землей. Страх и надежда захлестнули меня, заставляя быстрее достать найденное тело. Образы Марины беспрестанно сопровождали меня в том лесу, не позволяя сдаваться. Я отрыл плечо, продолжая откидывать землю в сторону. Перед глазами предстала Котёнок в бассейне, нахмурившись, смотрела на меня, прикрывая свое стройное тело. Вспоминая её, ускорил движение руками, откидывая землю, пачкающую прекрасное тело Марины. Показалась голова. Схватил за плечи, вытягивая тело из ямы. Справа в груди у девушки зияла дыра,

забитая кровью и землей. Это оказалась не она, а брюнетка, встречавшаяся пару раз в борделе. Под ней белело другое тело. Снова перед глазами Котёнок в ночном клубе, прижимается к моей груди в благодарность за спасение от ублюдков, домогавшихся её. Вытянул следующий труп, но и в этот раз снова просто одна из танцовщиц. Постепенно отчаиваясь, но не теряя веры на спасение своей девочки, я будто почувствовал прикосновение её губ, как тогда на пляже, где поцелуй пробудил чувства, отвергаемые мной долгое время. Волшебная ночь на том же пляже, когда Марина уже готова была подарить мне свое тело. Все эти воспоминания роем накнулись на меня, жаля в самое сердце. Я копал и копал, доставая тело за телом из бездонной ямы. Первые лучи солнца пробились сквозь листву, окрашивая в багровый цвет деревья вокруг и груды тел, лежащих на краю общей могилы. Мои руки уже походили на окровавленные куски мяса, но я до сих пор не нашел её тело. С каждым вытащенным наружу трупом искра надежды в моей груди найти её живой светила слабее, пока совсем не потухла. Я по инерции продолжал доставать тела из земли. Но ни одно из них не оказалось тем, ради которого я готов был ползти километры на коленях, мучаясь от жажды и истекая кровью. Беспощадное солнце должно было погаснуть вместе с моей девочкой, но светило высоко в небе, когда я перевернул последний труп в земле. Среди тел не оказалось Марины. Решив, что, наверное, не заметил её среди остальных покойниц, принялся скидывать все тела обратно, стирая грязь с лиц и внимательно осматривая девушек. Её тело исчезло.

Я обессиленно рухнул на землю рядом с могилой, отказываясь двигаться с места.

Её нет. Тела Марины не оказалось среди убитых.

Выбравшись из леса, превратившегося в могильник, я перерыл все окрестности вплоть до Лос-Анджелеса, несмотря на то, что раненая она вряд ли смогла бы дойти до него пешком. На ноги были подняты все Сангре Мехикано. Для клана задачей номер один стали поиски Котёнка. Я превратился в одержимого безумца, преследующего одну единственную цель – найти. День перемешался с ночью, сон перестал существовать в качестве физической потребности. Я лично прочесывал вдоль и поперек дороги и близлежащие к лесу поселения, но никто не слышал о Марине Асадовой. Начинало казаться, что я просто схожу с ума, выдумав её образ. От Котёнка не осталось и следа, кроме моих острых, как лезвие кинжала, воспоминаний и пропасти, разверзшейся в груди. Снова и снова поступали неутешительные результаты поисков, ввергая меня в пучину

отчаяния. Назойливые мысли о том, что больше никогда в жизни не увижу её глаз цвета моря, не услышу нежного голоса и не почувствую осторожных прикосновений, вновь и вновь рождались в моей голове. Оставался единственный вариант. Вопреки здравому смыслу я пошел в полицейский участок с требованием найти Марину. Никто из копов не удивился моему обращению. Она и её отец уже числились в федеральном розыске.

– Какие отношения вас связывали с Мариной Асадовой? – темнокожий коп презрительно рассматривал меня через массивный стол в комнате для допросов.

– Личные, – этот цирк с допросом выводил меня из себя. Никак иначе, кроме как пустой тратой времени, происходящее невозможно было назвать.

– Какого рода личные отношения? – пристально следил за мной детектив Джонс. – Вы были любовниками, господин Альварадо?

– Это разве имеет отношение к делу? Пропал человек во время вашей гребаной облавы, а вы сидите и выясняете, спал ли я с ней? – потеряв контроль над своими эмоциями, ударил кулаком по столу.

– На вашем месте, Диего, я был бы осторожнее с проявлением вспышек гнева, – усмехнулся коп. – В вашем случае сотрудничество со следствием может сыграть на руку. Мы знаем, что вы вели дела с её отцом Павлом Асадовым, который тоже числится без вести пропавшим.

Несколько секунд Джонс наблюдал за моим лицом, стараясь уловить какие-то знаки, способные выдать меня.

– Чёрт возьми! – закрыл ладонями глаза. – Я не знал, что Павел пропал, – посмотрел на Джонса.

– Где вы были четырнадцатого октября, господин Альварадо? – скрестил руки на груди коп.

– Я не буду отвечать на этот вопрос без присутствия адвоката.

– Значит, вам есть что скрывать? – продолжил давить детектив.

– Я знаю, чем вы занимаетесь, Джонс! Не первый раз не меня пытаются повесить то, чего я не делал, – посмотрел в глаза полицейскому.

– Где вы были, Диего, 14 октября? – повторил свой вопрос детектив.

– Отвечу в присутствии адвоката, – твердо ответил, зная, что сейчас он не сможет ни в чем меня обвинить.

– Но вы не отрицаете вашу любовную связь с его пропавшей дочерью? – откинулся на спинку стула детектив, быстро задавая другой вопрос.

– Нет, – шумно выдохнул, – не отрицаю.

Любое промедление отдаляло меня от Марины. Сейчас требовалось лишь добиться какого-то действия от копов, обо всем остальном можно будет подумать позже.

– Хорошо, – сделал пометку в блокноте Джонс.

– Вы должны её найти! – умоляюще посмотрел на мужчину напротив. – Она – это все, что у меня осталось, – еле слышно проговорил последнюю фразу.

После моего визита в участок Хавьер долгое время обвинял меня в неосмотрительности. Но подняв все свои связи, я знал, скорее всего, раненая и потерянная, не зная, что делать и куда идти, Марина отправится к копам. А так как за мной ещё не пришли, был уверен в том, что у них её еще не было. Да и помощь правительства могла оказаться как нельзя кстати во время поиска пропавшего человека. Хотя после стольких лет в банде я понимал: во многом копы бессильны. Только теперь оказался важен результат, а не способы его достижения.

С каждым новым днём без новостей о Марине злость на себя, за свою слепую ненависть и бесполезную гордыню, затмевала все остальные эмоции. Я понимал, что все случилось только из-за меня, и прежде всего я должен наказывать самого себя. Но также существовали и другие виновники случившегося, поиск которых заботил меня чуть меньше, чем силы, вкладываемые в возвращение Котёнка. До сих пор я не мог понять, почему она вышла в тот злосчастный день

на работу? Охранники, не сумевшие внятно объяснить, по какой причине позволили ей выйти за пределы особняка без моего прямого указания, поплатились за свою оплошность. Люди, участвовавшие в расстреле, также понесли наказание, отправившись следом за девочками, окрасив общую могилу свежей кровью. Единственным и самым большим пробелом оставался инициатор этого заговора, в существовании которого я не сомневался. Свести все стрелки к одному человеку оказалось совсем непросто. Хавьер перепроверял все возможные варианты, среди которых только один нам казался вполне логически объяснимым.

– Из-за неё ты стал уязвим, – Хавьер налил в бокал ром. – Ты же знаешь, что под тебя давно копают русские, копы, кубинцы. Все знали, что смерть Луиса подкосит тебя, – отпил янтарной жидкости помощник. – И убрать Марину сразу после похорон брата – самый верный способ полностью уничтожить тебя.

При свете ламп жидкость в бокале играла разноцветными бликами, нервируя своим озорством. Уже долгое время я прятался в кабинете от окружающего мира, погружаясь в раздумья и самобичевание.

– Могу сказать, затеявший это – просто гений! – отсалютовал бокалом помощник.

– Что ты собираешь, мать твою?! – то, о чем говорил со мной Амиго, медленно продиралось сквозь дебри алкоголя до затуманенного мозга.

– Посмотри, в кого ты превратился, – махнул рукой Амиго, усаживаясь напротив меня. – Забил на бизнес, высываешься отсюда, только если появляются какие-то новости о твоей Чике. Думаешь, Большой Денни еще долго намерен закрывать на твое состояние глаза? У каждого есть предел терпимости.

Помощник был абсолютно прав. Я превратился в отшельника, оплакивающего девушку, брата и уничтожающий себя ненавистью к своему прошлому, окружающим и к тем, кто посмел покуситься на нечто, принадлежащее только мне. Все свободное время я только пил в полном одиночестве, игнорируя каждого, кто обращался с какими-то проблемами, не касающимися поисков моей девочки. Приканчивая бутылку за бутылкой, я разрешал себе заново проживать все моменты, позволившие прикоснуться хотя бы ненадолго к счастью. Теперь я точно знал название всему, что было между мной и Котёнком, пока я сам все не испортил. Между нами было счастье. Жить в мире, где не осталось ни единой

зацепки для меня, способной снова заставить биться за жизнь и стараться достигать каких-то результатов, не оставалось ни малейшего желания. На тот момент я просто сдался, позволив себе плыть по течению, упиваясь своим горем и наслаждаясь слабостью, проснувшейся после стольких лет постоянной борьбы.

– Что ты хочешь сказать? – отодвинул сияющий и этим нервирующий бокал в сторону, схватив бутылку, прикладываясь к горлышку.

– Мьерда, Ангел! – вспыхнул Хавьер, вскакивая на ноги. – Скоро от тебя все отвернутся, и ты останешься один, понимаешь? Денни сделает тебя самым настоящим изгоем, наплевав даже на память о Луисе! И тогда никто, НИКТО не станет помогать тебе с поисками Марины! – оперся ладонями на стол, прожигая меня взглядом, друг.

– Плевать! – достал из-под кипы бумаг на столе пачку сигарет, продолжая перерывать беспорядок в поисках зажигалки. – Я сам её найду!

– Бл***! – помощник обошел стол, выхватывая из моих рук бутылку. – Ты её до сих пор не нашел при помощи всех кланов и копов вместе взятых! – отошел к окну, раскрывая шторы и впуская в тёмный кабинет ослепляющий солнечный свет. – Одному тебе это никогда не удастся.

Наконец-то наткнувшись на зажигалку, зажмурившись, молча следил за тем, как Амиго открывает окно и выливает содержимое бутылки в сад. Каждое его слово – гребаная правда. Сидеть взаперти и жалеть себя до самой смерти – не выход из ситуации. Я все ещё рассчитывал увидеть Котёнка и молить её о прощении. И если я потеряю свое положение и уважение людей, тогда сам себя отдалю от долгожданной цели.

Я медленно возвращался к делам, выстраивая дальнейший план действий. Потребовалось какое-то время, чтобы в голове прояснилось. К моему огромному удивлению все по-прежнему боялись Ангела. Но появилось в глазах людей нечто, пробуждающее желание убивать. Они сочувствовали мне. Приходилось действиями доказывать, что меньше всего мне требуется это унижающее чувство. Но таковыми оказались последствия допущенной слабости.

По всей стране действовали поисковые группы, разыскивающие Марину. Многие твердили о ничтожной вероятности найти её живой. Но я был уверен, она где-то

прячется от меня и готов был выяснить это любой ценой. Периодически копы вызывали меня на допросы, которые я посещал только в присутствии адвоката. Эти ублюдки пытались надавить на меня и признаться в убийстве Павла. Но мой адвокат предоставил стопроцентное алиби, к которому невозможно подкопаться. Согласно показаниям свидетелей я был на деловой встрече в одном из самых людных ресторанов города. Опросив посетителей и персонал, копы так и не смогли придраться и выдвинуть обвинение по делу об убийстве Павла Асадова.

Мысленно я часто возвращался к последнему разговору с братом, обдумывая смысл его слов. Я отказывался верить в то, что это ничтожество Павел был моим отцом. Не столько из-за того, что меня волновали собственные гены, сколько из-за родства с Мариной. От вероятности подобного кожа покрывалась испариной, а в груди становилось тесно. Единственная женщина, погрузившая меня в водоворот страсти и безумия, не могла оказаться моей сестрой. Допустить подобную мысль – означало ещё большую вину перед ней. Я собственноручно уничтожал её, совращал, влюблял, лишил девственности и превратил женщину, мечтающую о смерти. Каждый мой шаг, за исключением собственных чувств к ней, тщательно планировался годами. Для меня оказалось достаточно лишь того, что я пропустил через ад ту, которую любил. Но проделать все вышеперечисленное с собственной сестрой?! На это способен лишь настоящий монстр! Каким я и предстал в собственных глазах. Всё оставшееся время я запрещал даже думать об этом, посвятив себя полностью её возвращению. Я обязан найти Марину, а со всем остальным у нас ещё будет время разобраться. Оставался, конечно, ещё один человек, способный развеять все мои сомнения, но я оттягивал встречу с ним, опасаясь ответов, которые мог бы получить. Я знал, рано или поздно встреча с Иваном Асадовым должна произойти, но можно ли будет верить этому ничтожеству, я не знал. А заставить его говорить правду под дулом пистолета не самая лучшая идея. Копы буквально следили за каждым моим шагом, карауля малейшую оплошность. Приходилось действовать с удвоенной осторожностью, избегая многих привычных методов. Это отражалось на бизнесе, но все же не в тех масштабах, что способны выбить у банды имеющуюся на побережье власть.

Медленно жизнь входила в прежнее русло, за исключением не прекращающихся поисков Марины. Работа занимала меня с головой, хоть как-то скрадывая время, не желающее двигаться с места. Жизнь будто остановилась, не принося ничего нового, но постоянно напоминая о прошлом, пронесшемся мимо кометой. Сердце кровоточило, когда я видел все те места, которые мы посещали вместе с Котенком и Луисом. Я старался избегать всего, что напоминало бы о них, но

невольно возвращался туда же, позволяя боли врываться в меня, пронизывая осколками воспоминаний. Только придя в себя, содрогался от отвращения к тому человеку, которым стал. Старался забыться, каждый день трахая разных девок, и отдаленно не напоминающих Марину. Даже светлые волосы и молочная кожа не могли поддержать иллюзию сходства. Всё, начиная от запаха, прикосновений и заканчивая стонами и призывными взглядами, кричало, что ни за что мне не заменить её. Ни одна женщина не способна дать мне столько даже за всю жизнь, скольким смогла одарить меня за такой краткий срок Котёнок. Никогда и никто не сможет стереть память о ней из моих воспоминаний. Марина – самая лучшая из женщин. После неё любая другая – второсортная дешевка. Даже среди девушек её класса, не встречалось подобных ей. А довольствоваться жалкими подделками я не собирался. Я обязательно найду её. Даже ценой собственной жизни, но я найду Марину.

Глава 2

Дышать становится тяжелее, при каждом вздохе земля забивает нос. Сверху прижимает что-то тяжелое, не позволяющее открыть рот и полноценно вдохнуть. Открываю глаза, ничего не вижу кроме беспросветной тьмы и земли, застилающей глаза. Мне не хватает воздуха. Ещё немного, и дышать станет нечем. В ужасе спихиваю то, чем придавлена сверху. Ладони упираются в человеческую плоть. Наконец-то понимаю, где нахожусь, и стараюсь скорее вытолкнуть лежащее сверху тело на поверхность. Паника острыми шипами покрывает тело, вытесняя из головы все варианты для спасения. Остается одна мысль: "Задохнусь". Сновадвигаю труп, но земля, принявшая нас, только сильнее засыпает рот и нос, предвещая скорый конец. Хочется крикнуть, но сил хватает лишь на глухой стон, оповещающий о моей гибели. Я в ловушке. Вот она – смерть. Пробую ещё раз спихнуть с себя мертвое тело, получая вместо долгожданного глотка воздуха порцию влажной земли, залепляющей надежду на спасение. Темнота, страх, паника и первобытный ужас. Это яма станет моей могилой.

Распахнула глаза, жадно глотая ртом воздух. Ночная рубашка, пропитанная потом, прилипла к телу. Провела рукой по простыням, возвращая чувство реальности.

– Раз, – вдох-выдох.

– Два, – вдох-шумный выдох.

– Три, – делаю более спокойный вдох.

Снова, как и многие ночи до этого, за этот год, один и тот же кошмар, не желающий оставлять меня в покое и не позволяющий забыть раз и навсегда о прошлом. Села на кровати, спуская обнаженные ступни на пол, постепенно восстанавливая дыхание так, как учил меня психолог. Вопреки ожиданиям, погружаться в тот день вновь и вновь не становится легче. Каждый миг проживается также четко, как и тогда, под грудой тел и земли. Провела рукой по покрывшейся мурашками коже плеч, пытаюсь хоть как-то согреться. Стянула со стула шаль, прячась в нее от пронизывающего насквозь холода. Как и все предыдущие разы после этого кошмара, я не могла найти укрытия, дарующего тепла, надежности и уверенности в безопасности. Больше всего в эти моменты мне нужна убежденность в том, что знакомый кошмар не повторится в реальности, оставаясь жутким напоминанием о страшном прошлом.

"Все в порядке. Я жива. Я жива", – мысленно повторяла, убеждая себя в собственных словах.

Провела ладонями по лицу, трогая глаза, рот, нос. На ощупь это была все та же девушка, которую я знала в прошлой жизни. Но внутри от дурочки, похороненной в проклятом лесу, не осталось ничего даже близко похожего на женщину, полностью отвечающую за своё настоящее и будущее. Теперь я знала, что жизнь разделилась не на «до» и «после» момента встречи с Ангелом, а на "до смерти" и "после воскрешения". Сколько кругов ада мне пришлось пройти, избавляясь от призраков прошлого и постоянного страха быть найденной Им. Навязчивая мысль, твердящая о том, что Он обязательно найдёт меня, чтобы закончить начатое, не давала дышать полной грудью, заставляя пугаться собственного прерывистого дыхания. Оставшееся от бывшей когда-то нежной и беззаботной девушки существо напоминало подопытного зверя, попавшего на свободу и готового на всё, лишь бы не возвращаться вновь в ту же клетку.

Порой, кошмары о смерти сменялись другими... теми, от которых сердце сжималось от дикой боли и начинало биться, снова истекая кровью. Мне снилось то, как я его любила. Во сне он снова был страстным, нежным, заботливым и

только моим. Не было жестокости, наркотиков и других женщин. Существовали мы вдвоем и сжигающая все на своем пути страсть. И этот кошмар был несравним ни с каким другим, потому что я не желала просыпаться от этого сна. Я хотела оказаться снова в его крепких объятиях, почувствовать прикосновение горячих губ, услышать хриплый смех и нежное «Котёнок». Каждый раз, возвращая в реальность, меня скручивало на кровати от безнадёжности и жалости к себе. Я позволяла себе заливать постель слезами, оплакивая невозможность прежних чувств и собственное ничтожество. Насильно вскрывала все еле затянувшиеся раны, выпуская через надрывы всю гниль, затмевающую любую эйфорию. Теперь я отчетливо знала цену, назначаемую за счастье, которым может одарить судьба. И только познав всю глубину расплаты, поняла, что готова прожить совершенно обычную жизнь, лишенную всякого безумия, сводящего с ума.

Пронзительный детский плач заполнил комнату, приводя меня в чувства. Задвинув плотнее края шали, подошла к детской кроватке, стоящей у стены. Мне не требовалось включать ночник, чтобы разглядеть единственный свет в окружающем меня мраке.

– Всё в порядке, моё Сокровище, – протянула руки к кричащему комочку. – Мама с тобой, моя Крошечка.

Прижала к груди крохотное тельце, прикоснувшись губами ко лбу, жадно втягивая самый родной и любимый запах на земле. Запах моей дочери.

За год до этого

Неделю я находилась в какой-то стерильно белой комнате, где, казалось, не было ни одного предмета темнее цвета топленого молока. Каждый раз, когда открывала глаза, вокруг меня появлялись люди в белых халатах, подключающие датчики и пичкающие таблетками, от которых постоянно хотелось спать. Я послушно принимала все лекарства и с радостью погружалась в глубокий сон, освобождающий от мыслей и переживаний. Тепло и спокойствие избавляли от пережитого ужаса, создавая иллюзию обыкновенного существования. Как

только заканчивалось действие препаратов, мне тут же выдавали порцию новых, не дающих впасть в безумие. Казалось, это длилось целую вечность, пока спасительные таблетки перестали появляться в пластиковом стаканчике, зажатом в руке улыбчивой медсестры. Именно тогда наступил ад. Меня выворачивало наизнанку от всего перенесенного. Без наркотиков и успокоительных, вся степень чудовищности Диего предстала в новом свете. Вдалеке от него и находясь в чертовом сознании, каждый раз вспоминая его, я заново умирала. Из меня высыпались остатки души, которую ему удалось стереть в порошок. Каждое действие Ангела направлялось на уничтожение моей воли. Я превратилась в птицу с обрезанными крыльями, жаждущую ласки от своего мучителя. Омерзение к своей слабости и ничтожности сменялось ненавистью к Диего. Мерзкие щупальца ненависти расползлись внутри меня, заполняя собой каждую клетку. Вместе с каждым выдохом я сеяла черноту, поселившуюся благодаря ему. Содрогалась от каждого шороха, дожидаясь, когда он найдет меня и окончит начатое. Неизменная тошнота и головокружение сопровождали любую мысль об Ангеле. Он стал моей болезнью, завладевшей телом, разумом и душой, лекарств от которой никто не изобрел и не в состоянии избавить меня от этого смертельного недуга. Мысли разрывали на части, выжимая последние силы. Многочисленные осмотры врачей физически не выматывали и на тысячную долю также сильно, как изнашивали собственные воспоминания.

– Вам повезло, – мягко улыбнулась доктор Мёрфи. – При подобных травмах обычно не выживают, но у вас, похоже, очень сильный ангел-хранитель.

Услышав слово «ангел», задержала дыхание, прислушиваясь к звукам вокруг, дожидаясь, когда в коридоре раздадутся его тяжелые шаги. Девушка в углу комнаты, наблюдающая за мной безмолвной тенью все дни моего пребывания в белой комнате, отложила ноутбук в сторону, скрестив руки на груди и внимательно рассматривая меня.

– Милая, – осторожно прикоснулась к руке доктор, напугав своим действием, – не волнуйтесь. Вас никто здесь не найдет.

Я резко отдернула руку, переводя взгляд от тени в углу комнаты к потускневшим от возраста зелено-карие глаза доктора. Женщина в больничном халате обеспокоенно вглядывалась мне в лицо, пронизывая сожалением. Меньше всего хотелось чьего-то сочувствия. Единственное, чего я

желала, спрятаться как можно дальше от Лос-Анджелеса, туда, где Ангел не смог бы меня достать.

– Ваше тело удивительно хорошо реагирует на лечение, – слегка улыбнулась доктор. – Думаю, через пару недель вас можно будет выписать, – женщина опустила лицо, делая пометку в журнале.

Я не заметила, как сжала руки в кулаки, до боли вонзаясь ногтями в ладони. Куда мне идти? Где прятаться? Он найдет меня, если не будет уверен в гибели. Мелкая дрожь сотрясала тело при одной мысли о том, чтобы остаться один на один с внешним миром. Вера в людей растворилась в крови, увиденной мной за все время пребывания в Его рабстве. Боковым зрением заметила, как тень, следящая за нами, снова протянула руку к компьютеру, быстро пробегая пальцами по клавиатуре.

– С вами давно добивается встречи детектив, но мы не могли его пропустить в палату до стабилизации вашего состояния, – тихо проговорила доктор Мёрфи. – Если вы не готовы, то мы отложим его визит.

Встретиться с копами мне рано или поздно придется. Но внутри поселилось опасение, что именно так Ангел сможет добраться до меня. Для банды ничего не стоит подкупить полицейских целого побережья. Но других вариантов побега у меня тоже не оставалось. Нужно как можно скорее определиться с собственной ситуацией и с тем, что известно копам.

– Если вы не против, то я приглашу детектива через полчаса? – выпрямилась доктор, заправляя за ухо седую прядь волос.

Я кивнула в знак согласия, возвращаясь взглядом к девушке с ноутбуком.

– Замечательно...Я приду к вам после встречи с детективом, проследить за вашим состоянием, – женщина развернулась к двери, оставляя наедине с тенью.

До сих пор я не проронила ни слова. Связанная ужасом пережитого и горечью, сопровождающей каждый мой вздох, я чувствовала, как язык сковала немота. Желание заговорить с кем-либо полностью отсутствовало. Тратить силы и эмоции на разговоры казалось ненужным и более того глупым, так как до сих пор не понимала, о чем я могла рассказать всем этим посторонним людям.

Девушка в углу комнаты зашевелилась, поднимаясь с кресла и приближаясь к моей кровати. Всё тело моментально напряглось в жалкой попытке защититься от неизвестности. Я следила за её плавными движениями, напоминающими кошачьи. Каштановые локоны, раскиданные по плечам, не шелохнулись во время её ходьбы. Тёмно-синий костюм, подчеркивающий тонкую талию, только усиливал её схожесть с пантерой. Карие глаза не излучали совершенно ничего кроме интереса. Она смотрела прямо в мои глаза, а я не смела отвести взгляд в сторону, понимая, что таким образом могу упустить что-то важное в её облике, не дающее мне покоя. Тень остановилась рядом со мной, придвигая стул от тумбочки к кровати. Взявшись за спинку, она присела, по-прежнему не отводя глаз. Ощущение, будто меня изучают как некий объект, усилилось от её близости. Независимо от того, что у неё на уме, я не собиралась проигрывать в этом маленьком поединке и отводить взгляд в сторону. Напряжение в комнате достигло того предела, когда достаточно поднести спичку и все взлетит на воздух.

– Я рада, что вы пришли в себя, Марина, – наконец-то нарушила молчание Тень. – Разрешите представиться, – она просунула руку во внутренний карман пиджака, вытягивая оттуда визитную карточку. – Доктор Роуз Холл, – протянула тонкий пластик, дожидаясь пока я заберу его.

Я перевела взгляд на прямоугольник в протянутой руке, затем снова вернулась к глазам девушки. Доктор Роуз Холл выждала несколько секунд, и лишь убедившись в том, что я не собираюсь брать карточку, положила её на тумбочку рядом с кроватью.

– Я оставлю её здесь, чтобы вы смогли со мной связаться в случае необходимости.

В комнате снова повисло молчание. Прежде чем заговорить с ней, необходимо было выяснить, зачем она здесь и что ей от меня нужно. На долю секунды в глазах Роуз что-то промелькнуло, изменяя её пустой взгляд и окрашивая эмоцией, которую она тут же погасила, взяв себя в руки.

– Я здесь, чтобы оказать вам психологическую помощь, – Тень сделала паузу, дожидаясь какой-либо реакции. – То состояние, в котором вы были найдены, не могло затронуть вас только физически. Марина, – Роуз придвинулась вместе со стулом к кровати, – я пока не знаю, что с вами произошло, но это должно быть

нечто ужасное. Поговорите со мной, и тогда я смогу помочь вам справиться с этим. Борьба с пережитым рука об руку с кем-то всегда проще, чем одной.

Доктор Холл чуть нахмурилась, не получив от меня никакой реакции. Провела ладонью по волосам, поправляя и без того идеально лежащие локоны.

– Я оставляю вас наедине с вашими мыслями до прихода детектива, – на её губах появилась улыбка. – Если понадобится, достаточно будет вызвать медсестру.

Роуз вышла из палаты тем же плавным шагом, что подходила к моей кровати.

В голове роилась тысяча мыслей. Какими бы благими не оказались намерения у этой девушки, я не могла ей рассказать всего, что со мной произошло. Это останется моим персональным адом, в котором я буду гореть всю оставшуюся жизнь. Пока, я не видела ни единого способа убедить себя в реальности чистилища, пережевывавшего мой рассудок, душу и выплюнувшего искромсанное в клочья сердце. Сложнее всего оказалось каждый раз при мысли о моём мучителе заставить поверить себя в его безразличие ко мне. Даже очутившись на дне бездны, в которую погрузил меня именно он, я оказалась не способна поверить в то, что все его действия были результатом работы больного ума бездушного садиста, а не уязвленного самолюбия влюбленного мужчины. Я всё ещё искала ему оправдания, проклиная себя за неуместное бессилие. Ни один живой человек не заслужил мучений, через которые пропустил меня этот монстр. Назвать его по-другому не получалось, потому что человек не способен на подобные зверства. Только порождение бездны так безжалостно распоряжается человеческими жизнями, упиваясь их агонией.

В обещанное время на пороге палаты появилась Доктор Роуз Холл, вместе с молодым латиносом, при виде которого я покрылась холодной испариной. Свет вокруг начал меркнуть, отсчитывая мои последние минуты.

«Он нашел меня», – крутилось в голове. Выпрямилась на кровати, сжав крепко зубы, готовясь бежать из комнаты в любую секунду. Спутник доктора, улыбаясь, пропустил её в комнату первой. Кивнув головой в знак благодарности, девушка подошла к кровати.

– Марина, это детектив Андрес Рамирес. Он хотел бы задать вам пару вопросов.

Представленный коп, один из немногих, способный вытащить меня из затянувшего болота, оказался латиноамериканцем. Прошли те времена, когда я верила в подобные совпадения. С каждым его шагом ко мне, оставшаяся призрачная надежда на помощь стремительно таяла, превращаясь в пар. В тот момент я абсолютно четко поняла, что рассчитывать могу только на себя.

– Мисс Марина Асадова, – кивнул головой мужчина. – Сожалею о случившемся, – посмотрев в мою сторону, коп нахмурился, тут же опуская взгляд.

За сегодняшний день он оказался первым человеком, смутившимся рассматривать меня как исследуемый предмет. В этом незначительном, но в то же время настолько искреннем, порыве он показался гораздо более располагающим к себе, чем все заискивающие передо мной и пытающиеся поладить дамочки.

– Я понимаю, что возможно сейчас не самый подходящий момент, но для поимки того, кто совершил все это, – он снова посмотрел на меня, сдвинув брови сильнее, чем в первый раз, – с вами..., – сделал паузу, борясь с желанием снова отвести взгляд. – Мне просто необходимо задать несколько вопросов.

Я смотрела на этого высокого мужчину, пытаюсь уловить скрытую угрозу. Внимательно вглядывалась в его лицо, прислушивалась к интуиции, кричащей до этого при виде каждого незнакомца: «прячься», но ничего кроме искреннего сочувствия и симпатии с его стороны не ощущалось. Даже доктор, опирающаяся на стену позади детектива Рамиреса, вызывала больше подозрений, чем этот латиноамериканский мужчина.

– Доктор Холл предупредила меня, что вы не заговаривали ни с кем из персонала с тех пор как пришли в себя. Но есть некоторые вопросы, требующие безотлагательных ответов. Вы можете просто кивать головой.

Рамирес молча ждал моего согласия. Доктор Холл замерла, наблюдая за происходящим, практически сливаясь со стеной и снова превращаясь в незаметную Тень.

– Наедине, – посмотрела в глаза детективу, произнося первое слово со времени моей смерти.

– Боюсь это невозможно, – отлепилась от стены Роуз, приближаясь к нам.

– Только наедине, – повторила своё условие, не сводя взгляда с почти черных глаз копа.

Несколько секунд Рамирес обдумывал мои слова, взвешивая все «за» и «против».

– Доктор Холл, я не задержу надолго вашу пациентку, – повернулся к девушке, смущенно улыбаясь.

– Ей сейчас нельзя нервничать. Только несколько вопросов. Не больше! – приблизилась к нему Роуз.

– Обещаю. Несколько вопросов.

Доктор Холл моментально покинула комнату, прикрывая за собой дверь. На этот раз её походка изменилась. Превратившись из мягкой, кошачьей, в твердую солдатскую поступь, выбивающую каблуками четкий ритм. Как только она покинула палату, я почувствовала облегчение. Мне не нравилась эта девушка, и требовалось узнать почему.

– Вы помните, что с вами произошло? – сразу же приступил к допросу детектив.

– Да, – воспоминания бурным потоком картинок пронеслись перед глазами. Я посмотрела на противоположную стену, выискивая темные пятна на белом.

– В вас стреляли?

– Да, – более развернуто отвечать на его вопросы я не видела необходимости.

– Вы знаете тех, кто в вас стрелял?

– Нет, – во рту пересохло. Я провела языком по губам, смачивая их.

– Вы уверены в этом?

– Да, – шумно сглотнула, вспоминая лица каждого из расстреливающих нас.

– Вам знаком Диего Альварадо?

Снова при звуке его имени сердце пустилось галопом, разрывая грудь от невыносимой муки. Сжала кулаки до боли, напоминая себе о всех пытках, устроенных им.

– Вам знаком Диего Альварадо? – повторил вопрос Рамирес.

– Да, – тихо ответила, борясь со слезами, начинающими жечь глаза.

– Он причастен к вашему расстрелу? – спросил детектив, чётко выделяя каждое слово.

Черное дуло, смотрящее прямо на меня, прощающееся громким выстрелом и пронзительной болью, Майкл, горящий как факел, вонючий гадюшник, в котором я танцевала... Каждое событие, связанное с Диего, оставило во мне нарывающие раны. Стоило лишь услышать его имя, и образовавшаяся на них корка прорвалась, выпуская наружу гной вперемешку с кровью. Я хотела, чтобы Ангел прошел через все возможные круги ада на земле, но, чтобы убедиться в справедливости его наказания, чистилище ему должна буду устроить я сама, упиваясь его муками так же, как он наслаждался моими.

– Нет, – подняла глаза к лицу детектива.

Рамиресу потребовалось некоторое время для принятия моего ответа. Казалось, он был уверен в обратном, а я обнулила всю известную для него систему.

– Что ж, хорошо..., – протянул он, записывая показания в блокнот.

– Как вы себя чувствуете? – прокашлялся детектив, меняя тему. – Надеюсь, последние события никак не отразятся на здоровье вашего ребенка...

Сердце перестало биться в груди, сжавшись в камень. Холод и паника быстро завладели телом. Опора ушла из-под меня, оставляя безвольно болтаться в воздухе. Комната завращалась бешеной каруселью, затягивая воронкой в самую

бездну.

– Вам пора, детектив, – услышала голос Роуз, перед тем как погрузиться в беспмятство.

Глава 3

Дружба, какое ёмкое и в то же время пустое слово. Произношу его вновь и вновь, пробуя на вкус каждую букву, протягивая и распевая. Ничего. Бессмысленный набор букв. Как может слово, значение которого заключало в себе весь мир, обесцениться до нуля? Какой смысл быть другом того, для кого хочется стать целой вселенной? Выполнять функцию советчика, компаньона, мягкой удобной жилетки, зная, что это тот максимум, выше которого никогда не дотянуться. Если бы двадцать лет назад мне сказали о том, что дружба может стать проклятием, я могла бы назвать говорившего ненормальным. Как стремительно меняются наши взгляды на жизнь и её аспекты. Достаточно было встретить Его, чтобы жизнь поменяла ориентиры.

Я всегда гордилась своим происхождением. С самого рождения несла национальную принадлежность с высоко поднятой головой. Несмотря на бедность нашего квартала, в душе я чувствовала себя гораздо богаче всех тех грингос, что тыкали своими деньгами нам в лицо. Они красовались на дорогих тачках и жили в огромных домах с бассейнами, размером больше нашего квартала. И, тем не менее, казались лишенными самого важного. Надежность и преданность – это то, о чем белые могут только мечтать. Но здесь, в мексиканском районе, несмотря на нищету, малообразованность и перестрелки, мы гораздо счастливее снобов, чей смысл жизни – пускать пыль в глаза.

Верить в величие своей нации, вопреки стереотипам, предрассудкам и чьим-либо доводам, – одновременно благословенье и проклятье. В первом случае, ты никогда не потеряешь веру в себя и свой народ. Во втором, твоя вера может ослепить, превратив в упряма, не видящего слабых сторон. Я стала свидетелем множества примеров, когда окружающие люди действовали против своих интересов, руководствуясь слепой гордыней. В юности все мы с ног до головы напичканы принципами, твёрдо следуя им. Проходят годы, под гнетом всеобщего стремления к наживе, абсолютной безнравственности и жестокости

от прежней бравады и упёртости остаётся лишь призрачная тень. Сложно жить в мире, где собственное благополучие дороже убеждений и веры. Так произошло и со мной. С годами я перестала быть настолько категоричной и начала принимать жизнь такой, какая она есть, не стремясь изменить мир.

Детство, проведенное в автомастерской, где перебирала двигатели вместе с отцом, до сих пор остается самым светлым временем жизни. Беззаботные игры среди сверстников, праздники, на которых присутствовали все соседи – всё это неотъемлемая часть моего счастливого взросления. Всегда находилась в окружении мексиканцев, неприязнь к белым укреплялась изо дня в день, превращаясь в патологическую ненависть. Любой гринго, оказавшийся на мексиканской территории, моментально изгонялся из наших мест. Таких смельчаков было совсем немного, не считая зарвавшихся копов, возомнивших себя превосходящей нас всех кастой. Как же я мечтала показать этим ничтожествам их место.

Наблюдая за отцом, изо дня в день выполняющим тяжелую работу, при этом каждым своим поступком демонстрирующим безумную любовь к маме и нам с сестрой, за его братьями, излучающими мужественность и силу в каждом движении и слове, считала мексиканцев эталоном мужественности. На их фоне белые смотрелись блеклым пятном. Они казались слабыми, малодушными, абсолютно не привлекательными и совершенно лишенными мужской искры, которой обладают мексиканцы. Их чрезмерное самолюбование и трусость вызывали лишь отвращение. Со временем моё отношение к белым не изменилось. Ко всем, кроме Него...

Нам было по тринадцать, когда на заднем дворе школы я впервые увидела гринго в окружении мексиканцев. Он чувствовал себя свободно, будто не являлся чужаком, случайно забредшим на вражескую территорию. Его бросающаяся в глаза уверенность раздражала. Этот мерзавец возомнил себя хозяином там, где ему совсем не место. Как сейчас помню охватившую меня злость, вызванную лишь взглядом на него. Но хуже всего казалось то, что никто из окружавших его мексиканцев, похоже, не разделяли моих эмоций. Они смеялись над его шутками, как если бы он был одним из нас. Не наблюдалось никакой агрессии со стороны ребят, абсолютное принятие. Гнев, вызывающий к уничтожению наглеца, распирает изнутри от мнимого предательства, превращая белого парня в главного врага.

Самое ужасное последовало позже. На уроке математики этот самонадеянный гринго оказался за соседней партой. Я чувствовала себя грязной от пальцев ног до кончиков волос лишь от того, что находилась рядом с ним. Омерзение, с которым я приходила на математику, не могло сравниться ни с чем. Даже слизи вызывали больше приятных эмоций, чем он. Так продолжалось какое-то время. Я всё чаще замечала его среди наших ребят и непроизвольно наблюдала за ним издалека. Постепенно белый мальчик открывался для меня с неожиданных сторон. Впервые услышав, как он свободно разговаривает на испанском, замерла, будто получив доказательства существования Санты. Этот факт сразу же сделал этого гринго чуть более приятным в моих глазах и заставил присмотреться к нему. Он не был похож на высокомерных белых детей, задирающих нос, заведя одного из наших и игнорирующих в школе. Злость и решимость в глазах парня не сочеталась с ангельской внешностью. Каждое движение получалось резким. Всегда напряженные скулы, будто каждое мгновение он ожидал нападения. Я не понимала, почему этот мальчик такой сосредоточенный. Интерес к нему возрастал с каждым днем, размывая созданные обществом грани. Не помню, что натолкнуло первой завести с ним разговор, забыв о своей ненависти к белым. Но после этого шага с каждым днём наши диалоги становились всё глубже, а интерес к чужаку всё больше. Мне не пришлось долго узнавать, кто он и откуда. Практически все ребята из нашего квартала знали его старшего брата, о котором шептались даже взрослые. Время шло, а моя привязанность к этому озлобленному парню становилась все крепче. Он уже не был таким напряженным как прежде. Диего словно выдыхал в моём присутствии, его черты смягчались, на лице всё чаще появлялась улыбка. Тепло и надежность, сопровождающие его близость, тянули меня к нему. Незаметно мы практически перестали расставаться, несмотря на все протесты его амигос. Я могла бесконечно смотреть на Диего, когда он думал во время занятий, молча злился, дрался или когда дарил такие редкие для него улыбки. Больше ничего и не требовалось для счастья. Я просто хотела быть рядом с ним.

С каждым новым днём он раскрывался с новых сторон. Меня поражала настойчивость, с которой он умел добиваться своего. Диего всегда считал, что нет недостижимых целей. Есть только очень запутанные пути. И шел к желаемому, невзирая на препятствия.

Девушки всегда любили Диего. Стоило ему появиться в помещении, как все внимание переключалось на него. Он как магнит притягивал к себе противоположный пол, не делая при этом совершенно ничего. Оставаясь угрюмым и немногословным с посторонними, Ангел был для многих загадкой. Никто не задумывался над тем, что творилось у него внутри. Окружающих

привлекала его внешность и сила, чувствовавшаяся в каждом жесте и взгляде. Девушки готовы были на все, лишь бы обратить на себя внимание красивого блондина. Всем хотелось диковинного и популярного парня. Словно мухи, чики жужжали вокруг него, жадно впиваясь в Ангела липкими лапками. Эти дурочки старались привлечь его внимание развязным поведением и вседозволенностью. Будучи ещё подростком, Диего всегда брал всё то, что хотел, и моментально забывал об использованном материале. Я жалела глупышек, страдающих от неразделенных чувств к моему лучшему другу, тщетно пытающихся завязать с ним какие-то продолжительные отношения, и в то же время меня выворачивало от отвращения к ним. Я не понимала, как можно так не уважать себя, чтобы предлагать тело человеку, который мог даже не знать твоего имени. Сборище идиотов. В жизни Ангела находилось место только для одной женщины, и делить его с кем-то не входило в мои планы. Я знала все его мечты, планы и тревоги. Считала за счастье занимать особое место в его жизни. Мы делали практически все вместе, с гордостью называя друг друга лучшими друзьями.

Не могу сказать точно, в какой момент поняла, что смотрю на Диего не просто как на родную душу. Я не могла оторвать глаз от капризного изгиба его губ, которые не терпелось попробовать на вкус. Сходила с ума от небесно-голубых глаз, самых красивых и прозрачных, что мне доводилось видеть. Восхищалась тем, как перекачивались его мышцы, когда он работал в автомастерской или участвовал в драках. Гордилась каждым его успехом, превознося его мысленно над всеми. В один день поймала себя на том, что отвожу глаза в сторону, когда Диего перехватывает мой взгляд. Нам было по пятнадцать, когда он перестал быть лучшим другом, а стал человеком, заполнившим сердце, мысли и душу.

Каждый раз, находясь рядом с Ангелом, я умирала от счастья видеть его, вдыхать пьянящий запах тела, слышать голос и в то же время гибла от отчаяния. Видеть, как пляшут искры в его глазах, когда он смотрит на других девушек, обнимает этих пустышек, нашептывая что-то на ухо, и уходит в заднюю комнату мастерской – все это походило на пытку. Никогда он не смотрел на меня тем же дьявольским взглядом, от которого бросало в жар, а лицо заливала краска. Пусть никто из них не задерживался рядом, но перейти черту и стать для него больше, чем просто другом, я не решалась. Сама мысль о возможности оттолкнуть Диего своими чувствами и потерять из своей жизни, парализовала, не давая совершить неверного шага.

Годы в университете превратились в настоящий ад. Оказавшись в другом месте и в окружении новых людей, я практически потеряла его. Редкие звонки и еще

более редкие встречи оставляли горький осадок и кровоточащее сердце, не желающее освободить место для кого-то другого. В попытках избавиться от мыслей о Диего снова и снова встречалась с парнями, не стоящими его мизинца. Новости о свадьбе Ангела выбили почву из-под ног. Плающий в груди огонь надежды безжалостно окатили из брандспойта, не оставляя и малейшего шанса на существование. Я чувствовала себя преданной. Знаю, что глупо с моей стороны ждать перемен, но факт появления другой женщины в жизни Диего означал потерю особенного места, занимаемого мной долгие годы. Недели в барах с незнакомцами и постоянный алкогольный туман затягивали в пучину, из которой практически невозможно выкарабкаться наружу. Из забытья помогла выбраться автомастерская. Разбирая и собирая двигатели, я отключалась от реальности, полностью сосредотачиваясь на процессе.

День свадьбы – стал первым важным днем в жизни Диего, когда рядом с ним стояла другая... На лице этой самодовольной сучки жирным шрифтом светилось слово – тварь. Всё в ней казалось фальшивым, начиная от улыбки и заканчивая клятвой в вечной любви. Впервые не понимала, почему Ангел не видит её сущности. Мне оставалось только ждать, когда он наиграется и поймет, кто она на самом деле. Но чёрт, как же невыносимо больно оказалось наблюдать за тем, с какой нежностью он смотрит на женщину, названную женой. Сердце в груди практически не стучало, разрываясь от боли, заставляя корчиться от отчаяния. Я ненавидела эту сучку всей душой.

Всё изменилось в тот день, когда эта тварь променяла Диего, раздвинув ноги перед каким-то ублюдком. Мой сильный, негибаемый мужчина оказался предан и сломлен женщиной, забравшей его сердце. Не знаю, сколько бы он переживал из-за неё, но несчастье с Луисом помогло ему правильно расставить приоритеты. Жесткий при посторонних, твёрдый и беспощадный ко всем, но прежде всего к себе, растоптал последнюю веру в людей. Диего сутками сидел у кровати брата, дожидаясь каких-либо перемен в его состоянии. Скандалы с врачами и долгие переговоры с бандой. Одиночество тяжким грузом свалилось на его плечи. Каждую свободную минуту он проводил с Сангре Мехикано, отыскивая виновных произошедшего. Ангел ни на секунду не позволял себе расслабиться, словно опасаясь поддаться панике, если остановится хотя бы на мгновение.

– Я знаю, кто это сделал, – спокойной сказал Диего.

Перевела взгляд от плавающих приборов, подключенных к лежащему на больничной койке Луису, на Ангела, стоящего ко мне спиной и смотрящего в окно. Костяшки его пальцев побелели от силы, с которой он сжал подоконник.

– Ты уверен? – мне не требовалось уточнять, что он имеет в виду. Я прекрасно понимала любое его слово.

– Да, – резко развернулся, устремив на меня наполненные ненавистью глаза. – Это он, Эстер! Это ОН! – сжал челюсти. Жевлаки заходили от переполнявшей его ярости.

– Что ты хочешь сделать? Ты же не собираешься наделать глупостей? – обошла кровать, вставая напротив и вглядываясь в напряженное лицо.

– Я убью этого ублюдка! – прошипел сквозь зубы. – И пусть буду вечно гореть в аду, но я убью его!

– Ты же понимаешь, что если тебя посадят, то некому будет заботиться о Луисе? – подошла к обездвиженному телу, поправляя постель Лу.

– Твою мать, Эстер! – в отчаянии провел рукой по волосам. – Я разрываюсь, понимаешь? Разрываюсь! – закричал Диего. – Снова молча проглотить то, что он сделал?! Не смогу об этом забыть, не смогу!

Ангел прошел к двери, снова зачесывая ладонью волосы назад, и вернулся к окну.

– Этот ублюдок не может в очередной раз остаться безнаказанным! – полез в карман за сигаретой. Кинул взгляд на лежащего брата, смял папиросу и выбросил в ведро.

– Я не предлагаю тебе забыть об этом! – посмотрела на Диего. – Тебе нужен план или ты хочешь лежать рядом с братом, в то время как этот мерзавец будет гулять и радоваться жизни?! – нахмурилась, представляя лицо подонка.

Диего закрыл рот руками, делая несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Ты отомстишь ему, обязательно отомстишь, – подошла ближе. – Но нужно сделать так, чтобы ему самому не хотелось больше жить. А пока, давай решим, как можно помочь Лу.

– Мы вытащим его, – тихо проговорил Диего. – Вытащим.

– Обязательно вытащим, – обняла за шею, притянув к себе и положив голову друга на плечо, осторожно поглаживая по голове. – Обязательно, – шептала словно мантру.

В тот день Диего позволил боли завладеть им. Я не могла оставить его одного в такой жуткий час. Подливая ром в быстро пустеющий бокал, молча находилась рядом, став единственной, не требующей от него быть сильным. Ночью он наконец-то стал моим.

Мягкие требовательные губы, сминающие мои в жарком поцелуе, сильные руки, блуждающие по телу и оставляющие метки своей безудержной страсти, горячая кожа, сводящая с ума своей гладкостью и запахом, которым не могла надышаться. Диего вновь и вновь возносил меня на вершины удовольствия, а я дарила ему любовь и ласку, хранимые глубоко внутри на протяжении многих лет. В его объятиях моё тело ожило, отвечая на каждое прикосновение волной удовольствия. Я словно была создана для его ласк. Пусть Диего и не стал моим первым мужчиной, но он оказался первым, пробудившим мою чувственность. Лежа на его груди и слушая размеренное дыхание, я умирала от счастья, благодаря судьбу за весь кошмар, произошедший с ним и сблизивший нас. Снова и снова целовала его грудь, боясь даже не секунду закрыть глаза и обнаружить, что всё это лишь сладкий сон. Утро отрезвило не только Диего от рома, но и меня от напрасных иллюзий.

– Чёрт, Эстер! – поставил передо мной чашку кофе. – Прости меня, – сдвинул брови. – Я не знаю, как смог допустить подобное... Это была ошибка.

Сердце оборвалось. Хотела возразить, успокоить и рассказать, насколько счастлива, но его глаза, наполненные тоской и раскаянием, вернули меня на землю. Он действительно раскаивался в случившемся.

– Ты слишком дорога мне, чтобы я обращался с тобой как с дешёвкой. Ты не заслуживаешь такого, – посмотрел прямо в глаза.

– Ты жалеешь?– прочистила горло, осмеливаясь спросить.

– Мьерда, Эстер, – нахмурился ещё сильнее. – Я поступил как ничтожество. Воспользовался твоей добротой...

– Не извиняйся, – перебила его, найдя силы слегка улыбнуться. – Всё по-прежнему.

Дрожащими руками поднесла кружку к губам, запивая комок слёз, застрявший в горле.

– Точно? – он внимательно следил за моим лицом.

– Да, – кивнула, поставив чашку. – Ничего не было.

С тех пор Диего никогда не повторял нашей ночи. Не важно, насколько пьяным или разбитым был, он всегда помнил о данном мне обещании. Я ненавидела себя за трусость. Стоило раз и навсегда прекратить собственные мучения, но я, словно обезумевшая, предпочла снова быть просто рядом, наблюдая за тем, как через постель любимого мужчины проходят новые и новые женщины. Я ненавидела каждую, на которую он обращал свое внимание. Стоило ему хотя бы улыбнуться девушке, я мысленно представляла, как её гладкая кожа гниёт под землей. Единственное, что служило успокоением- краткосрочность романов Диего.

Решив сосредоточиться на способах возвращения брата к нормальной жизни, Ангел превратился в очерстевшую и более жестокую копию Луиса. Он поставил перед собой цель, пути достижения которой его не волновали. Диего шёл напролом, невзирая на средства, затрачиваемые по пути. Единственным неизменным в его жизни оставалась дружба со мной. Пока не пришло время воплощать в жизнь его план мести.

Луч солнца пробился сквозь плотные шторы, падая на чемодан, стоящий у порога. Немую тишину нарушало лишь моё прерывистое дыхание. Закрыла глаза, прижавшись спиной к двери, шумно выдыхая. Шаг в пропасть сделан. Смогу ли я выкарабкаться из неё? На этот вопрос никто не сможет дать ответа. Во что бы то ни стало, я просто обязана вернуться. Другого выхода нет. Перед глазами всплыло улыбающееся личико Софи. Большие широко-раскрытые синие, как морские глубины, глаза, всегда с удивлением и любовью смотрящие на меня, круглые щёчки, вздернутый кверху крошечный носик, пухлые ручки, протянутые ко мне – это всё, о чём я способна была думать. Сердце забилося в бешеном ритме. Плач, разрывающий душу на тысячу мелких осколков, не переставая, звучал в голове. Как я могла? Как я могла оставить её одну, соглашаясь на это безумие? Позволила прошлому затуманить рассудок и прыгнуть с утёса в пропасть, кишашую тварями. Медленно сползла по двери, оседая на пол. В памяти раз за разом прокручивалось мгновение после передачи Софи в руки няни. Наблюдая, как улыбка, озаряющая личико моей девочки, сменяется плачем, я всячески пыталась улыбаться сквозь слезы, оставляющие на коже обжигающие следы. Стараясь не думать о минуте расставания, непроизвольно вновь и вновь мысленно прокручивала эту сцену. Как ни пыталась, не могла удержать перед глазами картинку её радости, которая всё время ускользала от меня, сменяясь пронзительным криком. Чувство засасывающей пустоты и гулкого одиночества захватило каждую клетку тела. Глаза опять застили слёзы, и не в силах бороться с эмоциями, позволила горечи прорваться наружу. Расставаться с самым дорогим созданием на свете оказалось настоящим испытанием. После ада, через который пропустил меня Ангел, не думала, что впереди ждет нечто ещё более страшное. Я бы ни за что не допустила разлуки с дочерью. Но снова моё слово ничего не значит. И подвергать опасности Софи оказалось бы моим самым непростительным поступком. Единственный выход – выполнить миссию как можно скорее и вернуться к своей девочке.

– Кэндис, – вздрогнула от стука по дереву, – через час у нас встреча. Будь готова.

Низкий мужской голос по ту сторону двери напомнил о причине, по которой пришлось уехать от полугодовой дочери. Жестокая реальность не собиралась ждать до тех пор, пока я перестану сокрушаться о несправедливости этого мира.

– Хорошо, – прочистила горло, вытирая ладонью слёзы, струящиеся по щекам.

Опираясь о пол, поднялась на ноги. Долгая дорога отзывалась во всем теле. У меня в запасе всего шестьдесят минут до момента, после которого невозможно будет повернуть назад. Скинула туфли и направилась в ванную. Включив воду в душе, расстегнула узкую бордовую юбку, торопясь избавиться от неудобной одежды, служившей панцирем около суток. Оставшись совершенно обнаженной, шагнула в душевую кабину, сразу же оказавшись под струями прохладной воды. Перед встречей необходимо привести голову в порядок, спрятав мысли о слабых местах и обо всём, что способно сбить с цели, как можно глубже. Провела рукой по отрастающим волосам, смывая усталость и мрачные мысли. Пришло время вступить в игру.

Чуть больше года назад

Новости о беременности порвали последнюю нить, сдерживающую лавину безумия. Крупницы рассудка, оставшиеся после моих похорон, затерялись в шквале помешательства, проникшего в каждый уголок сознания, стирая настоящее и заполняя кошмарами прошлого. Меня окружил туман, заполненный голосами и образами тех, кого старалась забыть. Отец снова равнодушно вручал мою руку Майклу, горящему как факел. Человек, назвавший себя моим мужем, касался кожи липкими пальцами, оставляющими на теле жирные следы. Но их образы быстро рассеивались, не успев вывернуть душу наизнанку. Сквозь густой смог до меня добрался тот, из-за которого хотелось убить себя, лишь бы не чувствовать снова невыносимой боли. Руки Ангела осторожно дотрагивались до щек, через мгновение беспощадно сжимаясь вокруг шеи. Его хриплый голос, шепчущий «Котёнок», сменялся на рык, выкрикивающий «шлюха». Я бежала сквозь белые перья тумана, спасаясь от жестоких рук. Бежала, зная, что он собирается превратить меня в товар, сор под ногами, не достойный даже пыли на его ботинках. Поворачиваясь спиной, ждала, когда догонит и прижмет к груди, коснется губами лба и будет умолять остаться. Но каждый раз оказывалась в яме, под грудой тел, не в силах выкарабкаться наружу. Я вновь задыхалась под землей с мыслями о Нём.

Таблетки, инъекции и бесконечная череда одинаковых людей в белых халатах заполнили просветы забвения. Страх быть найденной обострился, заставляя бояться даже теней. Сознание тщательно блокировало мысли о беременности,

оставляя один на один со страхом. Иногда, когда меня в очередной раз засасывала липкая мгла, я видела маму. Ложилась головой к ней на колени и давала перебирать ей свои волосы. Но сколько бы я не мечтала продлить это мгновение, вместо неё постоянно появлялся Он, хватал за волосы и утаскивал за собой, словно тряпичную куклу. Мне не удавалось вырваться из его рук. Никогда.

Целый месяц врачи боролись за мой рассудок. Снова приходить в себя оказалось гораздо сложнее, чем в первый раз. Находясь среди незнакомых людей, распоряжающихся моим телом по своему усмотрению, практически вернулась в Его ад. Чувствовала себя марионеткой в руках множества кукловодов. Здесь не могло быть моих друзей. Каждый, притворяющийся заботливым специалистом, ничем не отличался от людей Ангела, стремящихся закончить начатое у той гребаной ямы. Их лекарства ни черта не помогали, вгоняя в ещё больший бред. Но даже эти невыносимые, отвратительные проблески реальности казались радостнее, чем всё, преследующее в забвенье.

Постепенно туман рассеивался, позволяя привыкать к жизни лабораторной крысы. Терапия, процедуры, наблюдение психологов и снова всё по замкнутому кругу. Осознание действительности проникало в меня медленно, давая возможность привыкнуть к её уродливости. Жуткие воспоминания прошлого съедали изнутри, отравляя своими токсинами. Беременность по-прежнему оставалась за гранью понимания и казалась скорее сном, чем горькой правдой. Лишь после того, когда я вновь смогла разговаривать, печальная явь представила свой жуткий лик. Чтобы провести грань между сном и реальностью, чётко проговаривала про себя: «Я беременна. Я ношу в себе то, что посеял монстр, не знающий пощады и не имеющий никаких ценностей в жизни. Во мне растёт Его ублюдок. Как я могу позволить появиться на свет ещё одному чудовищу?» Прикладывала ладони к животу, не веря до конца, что там развивается жизнь. На какие-то доли секунды забывала о чудовищной стороне человека, поселившего её в меня, представляя, как такие же пронзительные голубые глаза будут мне улыбаться. Но затем, даже в фантазиях, искры радости в них сменялись на пламя ненависти, превращаясь в то, с чем никогда в жизни не хотелось соприкоснуться вновь. И тогда я точно знала, что внутри меня вселенское зло, цель которого уничтожить всё хорошее вокруг. Я умоляла врачей избавить меня от плода, но все как один утверждали, что время допустимое для аборта упущено и придется выносить ребенка до конца. Тогда я ненавидела их всей душой, так же, как ненавидела Ангела за разрушенную жизнь.

– Чем ты любила заниматься в детстве? – спросила Доктор Роуз, заправляя прядь волос за ухо, придвинув диктофон, лежащий на тумбе и фиксируя на мне взгляд.

– В детстве? – переспросила, нахмурившись. Беззаботное время, казалось таким далёким и нереальным, что вспоминать о той другой, спокойной жизни, было неправильным.

– Да. Когда ты была ребенком, что ты любила? – Тень внимательно вглядывалась мне в глаза.

– Ну..., – взяла в руки край одеяла, перебирая грубую ткань. – У меня было два детства, – перевела взгляд на белую материю.

– Когда ты говоришь, что у тебя было два детства, что ты имеешь в виду? – спокойный голос Доктора Роуз убаюкивал.

– До смерти мамы, – провела языком по пересохшим губам, – это одно детство. И ..., – быстрее принялась перебирать пальцами, стараясь найти изъём в ткани, позволяющий зацепиться за него.

– И.., Марина? – так же спокойно поинтересовалась девушка.

– И когда её не стало, – замолчала на пару секунд, снова смачивая губы. – Когда её не стало, это второе детство, – сказала, опасаясь, что даже слова, произнесенные вслух, заставят меня вновь пройти через её смерть.

– Расскажи о детстве с мамой, – настаивала Роуз.

– Самое лучшее время в моей жизни, – замолчала, вспоминая, как мама читала сказки на ночь и, не дождавшись пока я усну, засыпала на самом краю моей кровати. А я лежала, и молча любовалась ею, боясь разбудить и тем самым остаться в комнате совсем одной. Я рассматривала её ровный аристократический нос, длинные черные ресницы, чуть вздрагивающие во время сна, мелкие веснушки, окрашивающие её лицо в солнечный цвет. Она казалась самой прекрасной женщиной на свете. И только налюбовавшись, я осторожно брала её за руку и держала до тех пор, пока она незаметно не исчезала из

детской.

– Вы были близки с мамой?– продолжила сеанс Тень.

– Да. Она научила меня любить музыку, – опустила лицо, чувствуя, как глаза начинает щипать.

– Расскажи об этом, – интонация Роуз совершенно не менялась, оставаясь такой же спокойно-равнодушной.

– На фортепиано. Она играла на фортепиано, – прошептала, вспоминая маму, сидящую ко мне спиной и играющую «Лунную сонату».

–Тебе нравилось слушать её игру?

– Я любила наблюдать за ней во время игры, – слегка улыбнулась.

Когда мамины пальцы порхали над клавишами, она превращалась в неземное создание. Весь её образ становился практически невесомым и безумно прекрасным. Она отдавалась игре полностью, отключаясь от реальности. А я, забравшись в кресло с ногами, смотрела на неё, уносилась под музыку туда, где были только мы вдвоём.

– Она учила тебя играть на фортепиано? – Роуз сидела по-прежнему, не двигаясь, изучая меня.

– Нет. Не она. Папа считал, что мама бездарность, и нанял для меня учителя, – мечта играть вместе с мамой обернулась кошмаром. Бесконечные пустые этюды, монотонные гаммы и недовольство учителя и папы навсегда перечеркнули мою любовь к классической музыке. Единственный, кто помогал мне не затушить тлеющий огонек былой страсти – мама. Когда я начинала падать духом и думать, что никогда не осилю очередной этюд, она тихо присаживалась рядом и незаметно подсказывала, затягивая и превращая нудную зубрежку в настоящее исполнение.

Под ложечкой противно защипало. Вспоминать то время, зная, что её больше нет, напоминало занятие мазохизмом. Говорить о маме, после её смерти всегда

было тяжело, а теперь, когда во всей вселенной не осталось ни одного близкого человека, казалось просто невыносимым. Грудь щемило от тоски по её ласке и любви. От отчаяния, подпитываемого беспощадным одиночеством, захотелось вернуться в ту яму, из которой я так яростно искала выход.

– После того, как мамы не стало, ты продолжила заниматься музыкой? – размеренный голос Роуз не раздражал, но и не радовал. За время, проведенное в больнице, я привыкла к постоянному присутствию посторонних, их тихому перешептыванию, мягким шагам. Разговоры с доктором Тенью стали частью новой жизни, они просто появились в ней как данность, не зависимо от того, нравится мне это или нет.

– Когда я была совсем маленькой, постоянно наблюдала за маминной игрой. Для меня это казалось чудом! – вспоминая свои первые бестолковые попытки извлечь из рояля, стоявшего в холле внизу, хоть какие-то складные звуки, снова заставили улыбнуться. – Для меня фортепиано – это она. Без неё оно превратилось в боль.

– Больше ты не играла? – Роуз наклонилась чуть ближе, дожидаясь ответа.

– Пришлось, – сжала одеяло в кулаках, впиваясь ногтями в ладони. – Папа не позволил прекратить занятия. Я искала утешение в наушниках, слушая рок и мечтая заглушить крики души, извлекая пронзительные звуки из гитары, но всё осталось лишь в мечтах.

– Могу я узнать почему? – пристальный взгляд Доктора испепелял.

– Папа считал это бесполезной тратой времени и распутством, – по щеке скатилась предательская слеза.

– Чем ты заглушала свою боль? – понизила голос Роуз.

– Почти все время проводила с подружками. Часто ночевала у них дома. Мне нравилось чувствовать себя частью настоящей семьи, – слезы бесконтрольно стекали по лицу, падая и оставляя мокрые разводы на одеяле.

– Наблюдая за чужими семьями, о чём ты думала? – стараясь быть мягкой, Роуз всё равно надавливала на самые болезненные точки, настраивая против себя.

– О том, что у меня обязательно будет дружная и любящая семья, – вздернула подбородок, смахивая соленые капли.

– Что ты думаешь сейчас о семье? Ты по-прежнему об этом мечтаешь? – интонация доктора Роуз слегка изменилась, став более мягкой.

– Нет. Сейчас семья не входит в мои планы, – обезумевший взгляд Диего, бьющего меня по лицу, в мгновение стёр все прекрасные воспоминания о маме.

– Чем ты хочешь заниматься после того, как выйдешь из больницы? – на секунду показалось, что она приблизила руку ко мне, но затем вернула на колено.

– Хочу уехать как можно дальше, – снова мысли о мире, где никто не сможет защитить меня от Него, вызвали панический ужас.

– Ты уедешь одна? – следила за моим лицом Роуз.

– Да. Совсем одна, – повернулась к ней, всматриваясь в глаза цвета разбавленного чая.

– Ты твёрдо решила отказаться от ребенка? – в комнате повисла тишина.

Мысли в голове начали кружиться бешеной воронкой, вызывая приступ тошноты. Никогда раньше не предполагала, что смогу оставить свою плоть и кровь на произвол судьбы, стараясь за повседневными занятиями навсегда вычеркнуть эту часть жизни. Стоило лишь вспомнить, каким монстром оказался мужчина, от которого какой-то краткий миг в прошлом я мечтала иметь детей. А теперь, эти мечты сменились на яростное желание стереть любое напоминание о нём с лица земли.

– Я не хочу его, – посмотрела прямо в глаза Тени, стиснув челюсти.

– Ты уверена? – чуть наклонила набок голову Роуз.

– Совершенно.

Выписываясь из больницы, я наблюдала за происходящим будто со стороны. Девушка с потухшим взглядом выглядела незнакомой и совсем чужой. Я была уверена в том, что теперь смогу разбираться со своей головой самостоятельно, не распахивая душу посторонним. Но чертова Роуз предусмотрела все, позаботившись о том, чтобы ежедневно был тот, кто сможет копаться в моем грязном белье. В сопровождении двух копов меня перевезли на другой конец страны в штат Мэн. Ещё год назад я и подумать не могла, что попаду в подобную дыру. Передо мной стояли другие цели и приоритеты. Теперь, оказалось, совершенно наплевать, где склеивать собственные ошмётки. Запершись на все замки в крохотной квартирке, снятой на деньги государства, и задернув шторы, сутками не вылезала из кровати, прислушиваясь к каждому шороху. Мне не хотелось есть, не хотелось возвращаться к жизни. Я намеренно морила себя голодом, чтобы уничтожить инфекцию, завладевшую организмом. Мой покой нарушала огромная черная Тень с ежедневными проверками, маскируемыми под сеансы. Постоянное пичканье едой и витаминами под размеренную болтовню о муже и внуках нового надзирателя не давали тихо сдохнуть. Все ежедневные ритуалы совершались на автомате, без понимания их смысла. Я наблюдала за существованием девушки с незнакомым именем Рэйчел, из такого же чужого тела. Да и вся жизнь происходила с другим человеком, а я дышала по инерции. Днём воспоминания заполняли мою реальность, снова утягивая в смердящую топь. По ночам сны продолжали выворачивать мою душу. Кошмары не шли ни в какое сравнение со снами, от нереальности которых щемило в груди. В них я снова жила. Чувствовала прикосновения Диего, вкус его поцелуев. Он дотрагивался до моего живота, излучая восторг, и его глаза светились обещанием бесконечного счастья. А на утро, я просыпалась одна в чужом городе, поломанная, с разорванной душой и дырой в груди вместо сердца. Положив руки на живот, забывала на время о жутком монстре. Я понимала, что, не зная Ангела, могла бы летать от счастья, паря над облаками, чувствуя его продолжение в себя. Но теперь ... готова собственноручно покончить с его копией. В том, что вынашиваю его копию, не сомневалась ни на мгновение. Контраст между сном и явью пропускал, словно через мясорубку, перемалывая последние останки той девушки, которой я была когда-то. Я погружалась в ванную, заполненную до краев ледяной водой. Сжимая зубы, лежала до полного онемения тела. Теряя физическую чувствительность, верила, что становлюсь жестче и равнодушнее к терзавшим призракам. Только вытирая полотенцем обжигающе холодные капли, ловила в зеркале отражение незнакомки. Абсолютно несчастной женщины с кровоточащей душой и

стеклянными глазами. В этом человеке невозможно было узнать красавицу с глянцевого обложки. Длинные светлые локоны стали свидетелями чужой жизни, где есть место радости и позволительны глупости. Но сейчас они были свидетелями падения личности и никак не сочетались с той, кого прятала программа защиты свидетелей. Взяв кухонные ножницы, избавилась от следов прошлого, поверив на мгновение в жизнь.

Терапия с новым доктором, практически ничем не отличалась от сеансов, проводимых Роуз. Самым главным отличием стала большая и тёплая доктор Вашингтон. Наблюдая за моей жизнью, она принимала в ней активное участие. Обеспокоенная моей апатией, она множество раз пыталась найти занятие, способное вернуть радость жизни. Но ни вязание, ни выпечка и тем более музыка не вызывали нужной искры. Спустя пару недель работы, доктор Вашингтон схватила своей пухлой черной рукой моё запястье и, не говоря ни слова, усадила в машину. Всю дорогу, натянутая как струна, я внимательно следила за всеми проезжающими мимо автомобилями. Остановившись возле четырёхэтажного здания, я долго сомневалась, стоит ли покидать машину.

– Не бойтесь, милая, – улыбнулась Кэри. – Мы в добром месте.

– Добрых мест не существует, – посмотрела на женщину, терпеливо держащую дверь машины открытой.

– Дай этому миру еще один шанс, и он тебя не разочарует, – протянула руку Доктор Вашингтон, ослепляя своим участием.

Несмотря на все опасения и страхи, я доверилась этой женщине. Оказалось достаточным лишь перешагнуть порог здания, и гомон детских голосов окружил со всех сторон.

– Где мы? – спросила, оставив позади женщину, записывающую в журнале имена посетителей.

– Там, где тебе помогут, – взяв в обе руки, Кэри осторожно погладила мою ладонь. Мы прошли до конца коридора, останавливаясь у стеклянных дверей, за которыми играли дети. Когда мы оказались внутри, десятки детских глаз устремились к нам, с любопытством осматривая пришедших.

– Ты пришла с нами играть? – вздрогнула, услышав голос девочки, подошедшей сбоку.

– Я не знаю, зачем я пришла, – посмотрела на курчавые волосы, застилающие большие зеленые глаза. Чистый взгляд, наполненный ожиданием, добротой и искренностью, затронул что-то в груди, от чего очерстневшее сердце сжалось в комок.

– Я покажу тебе свой рисунок, пойдём, – схватила за руку девочка и решительно повела к крохотному столику. – Смотри, – сунула мне в лицо бумагу.

– Что здесь? – отодвинула от глаз, чтобы рассмотреть изображение.

– Это моя мама и папа, – гордо сказала девочка. – Они просто забыли, где меня оставили, но очень скоро найдут дорогу и заберут меня к себе.

На рисунке рядом с разноцветным домом девочка держала за руки мужчину и женщину. У взрослых не оказалось ни глаз, ни рта, только девочка широко улыбалась с листа бумаги.

– Почему у них нет лиц? – продолжила рассматривать странный рисунок.

– Я их не помню, – отобрала бумагу девочка. – Но когда они найдут меня, обязательно нарисую. Думаешь, моя мама будет красивая?

В горле встал ком, не позволяющий ответить на вопрос. Я подняла глаза на прозрачные изумрудные озера, дожидаящиеся ответа. Всё в ней излучало веру и любовь к той, кого не существует в природе, но кому эта маленькая девочка подарила всё сердце.

– Самой красивой, – прошептала, сдерживая предательски выступившие слезы.

Несколько часов я провела, помогая строить волшебные миры своим новым друзьям. Рисование, лепка, игры в куклы и конструктор – эти нехитрые занятия делали их счастливыми. Для каждого из них требовалось всего несколько добрых слов и внимание, чтобы позволить почувствовать себя нужными. Но больше всего на свете они мечтали о семье, о маме...

Всю обратную дорогу до дома я не могла унять слёзы, омывающие лицо. Меня сотрясали рыдания, которые таились внутри жуткого плена. Открытые ласковые лица, нежные голоса и маленькие руки заполнили звенящую пустоту, съедающую изнутри. Впервые я забыла о собственном горе, решив, во что бы то ни стало подарить этим детям столько радости, сколько в силах одного человека. Подъезжая к дому, поняла, что крепко обнимаю живот.

День за днём Кэри отвозила меня в детский дом, оставляя там до наступления темноты. Узнавая лучше детей, становилась ближе к их мечтам и тревогам. Помогала учиться познавать мир и разрешать первые проблемы. Ухаживая за ними, поняла, что не существует плохих или хороших малышей. Никто не рождается монстрами, сеющими зло. Все дети чисты и приближены к Всевышнему гораздо больше, чем самый набожный взрослый. Свет, окружающий каждого ребенка, может согреть даже самую черную душу. Задача взрослого – не погасить в нём это свечение. Ведь то, кем становятся дети в дальнейшем, зависит только от нас.

Через несколько недель, проведенных в окружении маленьких друзей, ощутила трепет, думая о развивающейся внутри меня жизни. Ненависть и безразличность ушли, оставив вместо себя нежность и зарождающуюся любовь.

Глава 5

Одиночество. Тёмное, тягучее, смердящее, вот оно – моё вечное проклятье и вечный компаньон. С самого рождения пришитое ко мне прочнее, чем тень, которая не исчезает независимо от того, как светит солнце. Наступая мне на пятки, оно единственное всегда было со мной, разрастаясь коконом вокруг и медленно пробираясь к душе, опустошая её. Сколько себя помню, всегда хотел заполнить этот вакуум, но вместе этого питал его ещё больше. Лишь Луису удавалось немного прикрыть язвы, расползающиеся от зараженного места пустотой. После несчастного случая с братом, небольшие заполненные островки, державшиеся на нём, стремительно пошли на дно. Оставив на своём месте бездонную пропасть, превращающуюся в болото. Такое же мутное, пустынное и вонючее.

Ежедневно возле меня крутились толпы людей, которым и дела не было до того, какой я на самом деле. Назойливые, жужжащие мухи, слетающиеся на запах наличных и власти. Для каждого из них я был лишь средством достижения цели, временной преградой, отделяющей от желаемого. Как часто хотелось отмыться от бесконечного лицемерия, ставшего нормой в нашем мире. Нет ничего омерзительнее человека, притворяющегося другом. Хладнокровные твари, вместо души у которых калькуляторы, просчитывающие выгоду от каждого шага, окружали со всех сторон. Подростком я ещё питал иллюзии на счет банды, о том, что семья не позволит остаться наедине со своими демонами. Но как бы я не сближался с людьми внешне, пропустить кого-то в своё сердце оказалось непосильной задачей. Даже те, кто знал о моих тревогах, никогда не смогут понять меня, не оказавшись в той же шкуре.

С каждым годом окружение заталкивало меня в топь одиночества всё глубже, оставляя там идти на дно, захлебываясь едкой жижей. Мимолетная вспышка счастья, сбившая все заданные координаты, подарила иллюзию наполненности и без промедления отобрала обратно. После потери Марины я понял, что больше не желаю мириться с гудящей пустотой. Уверенность в том, что она единственная сможет разорвать порочную связь с убивающим одиночеством, наполняла силами. Несмотря на полное отсутствие новостей о местонахождении Котёнка, я не сомневался ни на секунду, что отыщу её. Поиски давали стимул моей жизни, но от разрывающих на части воспоминаний хотелось выть. Думая о времени, проведенном вместе с единственной девушкой, о которой болела душа, понимал, насколько пусто моё существование. Заглушая жалящие, как осы, мысли, загружил себя работой, погружаясь в шаткий мир грязных денег. Бесконечная череда деловых встреч, звонков и полное отсутствие свободного времени. Я заполнял образовавшийся вакуум холодными цифрами, кочующими с одного банковского счёта на другой, и пачками банкнот, переходящими из одного увесистого бумажника в другой. Жизнь стала практически такой же, как и до встречи с Мариной, за исключением смены целей и того, что я знал, какой может быть эта безжалостная сука, когда рядом моя девочка.

Первое время заниматься поисками Котёнка без ущерба для бизнеса казалось практически невозможным. Какое-то время я даже планировал выйти из дела, посвятив себя полностью главной цели. Но оказаться в стороне от Сангре Мехикано – означало лишиться связей, имеющих у банды. Без нужных контактов найти Марину – практически невыполнимая задача. Оставалось лишь пристально следить за выполнением необходимой работы и верить в успех.

Мои люди круглосуточно следили за Асадовым-младшим, прослушивая его телефон, ожидая возможных контактов с племянницей. Кроме этого жадного ничтожества, паразитирующего на имени брата, у неё не осталось ни одного родственника. После пропажи Асадова-старшего, он рьяно стремился прибрать к рукам всё его имущество. Только попытки оказались тщетными. Даже если Павла признали бы мертвым, законной наследницей все ещё была его пропавшая дочь Марина, и в этом случае, до подтверждения её гибели, он не мог даже прикоснуться к остаткам бывшего богатства брата.

Иван не меньше моего оказался заинтересован в поисках племянницы, хотя бы для получения доверенности на ведение дел брата. Большая часть бизнеса Павла оказалась записана на Котёнка, и этот неприятный факт сильно раздражал младшего Асадова. Долги Ивана растоптали его репутацию в глазах банд Калифорнии. Жалкий наркоман, воспользовавшись пропажей брата и племянницы, заказал ограбление опечатанного особняка Асадовых. Его сообщники обчистили под ноль семейное гнездышко Павла, не забыв про гараж с общей стоимостью автомобилей почти на миллион долларов. Вернув долги мексиканцам, он сохранил свою жизнь, но превратился в изгоя. Большая часть его шестерок переметнулась на сторону Дэна Исаева, обладающего не таким авторитетом, как в былое время у Асадова-старшего, но его огромным преимуществом был трезвый ум, позволяющий удерживаться на нашем рынке достаточно долго. Поэтому последней надеждой Ивана стала смерть племянницы, после которой он сможет распорядиться всеми делами Павла, стремясь вернуть потерянные позиции. Этот прогнивший ублюдок не признавал ни бога ни черта, поклоняясь только пачке зеленых банкнот. Я бы не удивился даже, если в его планы входило убрать Котёнка с пути собственноручно. Но подобное случится только через мой труп.

Время шло, а поиски Марины буксовали на месте. Моим людям не удалось узнать совершенно ничего о её местонахождении, не говоря уже о бесполезных копах, раз за разом бессмысленно тягающих меня на допросы. Сначала разговоры об одном и том же дико выводили из себя. Затем появилось какое-то равнодушие, а после не осталось ничего, кроме насмешки. Не зная в каком направлении двигаться, полиция пыталась создать хоть какую-то видимость выполняемой работы, стараясь повесить на меня причастность к исчезновению Асадовых. Но за отсутствием доказательств отпускали домой через широко распахнутые двери.

Не теряя надежды, Сангре Мехикано и копы по всей стране пытались выйти на её след, но безуспешно. Казалось, что Марина растворилась в воздухе. Сейчас она представлялась мне неким миражом. Я словно обезвоженный путник в пустыне тянулся к ней и своему счастью, как к воде, виднеющейся за очередным барханом, но стоило приблизиться – и только тогда осознание жестокой реальности обрушивалось песчаным ветром, лишая грёз о глотке воды. О реальности случившегося кричала боль, уничтожающая изнутри, оказавшаяся слишком невыносимой для галлюцинации.

Впервые, абсолютно ясно осознавал, что один ни за что не справлюсь. Год назад, переступив через омерзение и гордость, решил просить Ивана о содействии в поисках его племянницы. Эта тварь не упустила своего шанса вывернуть ситуацию в свою пользу. Его слова оказались полностью лишены какого бы то ни было беспокойства. Чистое ликование сопровождало каждый его жест и взгляд.

– Я знаю, кто ты, – улыбнулся, обнажая пожелтевшие зубы Асадов-младший.

Не удостоив и взглядом Ивана, я осмотрелся по сторонам, оценивая ситуацию. Двое бритоголовых русских за соседним столиком потягивали кофе, искоса поглядывая в нашу сторону. Ещё двоих я заметил в машине у входа в ресторан. Остальное помещение зала практически пустовало в послеобеденный час. Своих же ребят я решил не брать. Ни к чему мне светиться перед русскими с мексиканцами и создавать образ не того, за кого себя выдавал. Что ж, надеюсь, мы сможем договориться, и пускать в ход стволы не придется.

– У нас с вашим братом был бизнес, – сел напротив, посмотрев прямо в прищуренные тусклые глаза.

От Ивана смердело кокаином и разлагающимися органами. Я с детства помню эту вонь, которую мама нещадно заливала дешевым парфюмом, но, сколько не маскируй, гниль всё равно пробивается наружу. Для людей, незнакомых с кокаинщиками, он никогда не будет бросаться в глаза. Но те, кто жил в доме, пропитанном наркотическим зловонием, никогда не забудут его. У каждого существуют запахи, вызывающие отторжение и дикое желание убежать как можно дальше от его источника – моим был кокаин.

– А ещё ты потраховывал мою племянницу, – провёл тыльной стороной ладони по носу, прищмыгивая.

Стоило ему упомянуть Марину, как в жилах закипела кровь. Ещё мгновение, и я вцепился бы этому отморожку в горло. Мне хотелось медленно сдавливать его мерзкую шею, пока желтые глазные яблоки не вылезут наружу. Как подобное ничтожество может говорить о ней в таком тоне? Сжав зубы до хруста, посмотрел на Ивана.

– У нас были отношения, – процедил сквозь зубы, сдерживая порыв ярости.

– Видать Мариша хорошо работает ртом, раз ты так завелся, – хрипло рассмеялся русский.

Предохранитель оказался спущен. Соскочив со стула, схватил его за рубашку, притягивая к себе.

– Не смей своим поганым ртом произносить её имя! – прорычал в лицо, просверливая Ивана взглядом.

В висках пульсировало, отбивая барабанную похоронную дробь. Злость яркой вспышкой ослепила, застияла глаза багровым цветом, не позволяя мыслить трезво. Меня трясло от сдерживаемой ярости. Смотрел на серую кожу, обтянувшую кости, словно у древнего старика, и понимал: одно движение – и я раздавлю череп этого ничтожества. Ненависть, разгорающаяся годами, подпитывалась абсолютным отвращением. Всё в нём вызывало омерзение и отталкивало настолько, что даже обыкновенный слизняк вызывал больше симпатии. Казалось дикой несправедливостью, что Луис гниёт в могиле, а это подобие человека топчет землю и наслаждается всеми смертными грехами. Хотелось хотя бы немного очистить мир от подобной падали, сделав так, что он перестанет загрязнять воздух своим зловонным дыханием. Останавливало лишь одно – Марина. Если у неё не останется совсем ни одной причины, по которой она сможет вернуться в Лос-Анджелес, то её поиски могут затянуться на месяцы и бесконечные годы...

– Ещё одно слово, пачкающее её имя, и я, наплевав на твою охрану и остатки связей, сверну тебе шею, – прошипел, приблизив его лицо вплотную к своему, выплёвывая каждое слово. – Ты. Меня. Понял?

– Не кипятись, – улыбнулся Асадов. – Я тебя понял.

Несколько секунд наблюдал за усмешкой, сверкающей в его глазах, не понимая, чего он добивается. Он, словно назойливая муха, которая, несмотря на угрозу быть прихлопнутой газетой, всё так же упорно летит к сахарнице.

Из носа Ивана побежала красная струйка. Теперь понятно, почему этот обдолбыш такой спокойный. Перед нашей встречей принял дозу для храбрости, и теперь море по колено. Я разжал пальцы, отбрасывая обратно этот мусор, не заслуживающий зваться человеком.

– Молодость, – Асадов присел в кресло, схватив салфетку, вытирая алый ручеек. – Кровь бурлит, требует выпустить бунт наружу, – прищёлкнул языком, откидываясь на спинку.

Посмотрев на ухмыляющееся лицо, я представлял, как однажды навсегда сотру улыбку с его противной рожи. Но пока, не пришло время. Как бы это не звучало мерзко, но он мне нужен.

– Мы не сможем разговаривать дальше, если вы будете продолжать говорить в том же тоне о Марине, – не отводил взгляда, наблюдая за Иваном, стараясь понять, что у него на уме.

– Не кипятись, не буду, – поднял вверх ладони. – Нам обоим нужен этот разговор.

Ухмылка не сползала с его лица, превращая каждое слово в ложь. Рядом с ним время буксовало на месте, бессмысленно забрызгивая липкой грязью каждое мгновение.

– Мне нужно ваше содействие в поисках Марины, – перешел к делу, не дожидаясь очередной порции наркотического бреда. – Также я понимаю, что безвозмездной помощи не бывает. Нам стоит обсудить условия вашей, – сделал паузу, прежде чем произнести такое непривычное для меня слово, – помощи.

Иван снова потёр нос, прищмыгивая, и закинул руки за голову. Несколько секунд он молчал, нервирова напрасным промедлением, которое стоило возможных километров, отдаляющих от меня Котёнка. Чем дольше молчал Асадов, тем сильнее меня охватывало напряжение.

– Не веришь в искреннюю любовь дяди к племяннице? – Иван наклонился вперед, положив предплечья на стол.

– С трудом, – водил пальцем по кристально чистому стеклу бокала, продолжая следить за Иваном.

– Зря ты так, Диего. Меня судьба Мариночки очень беспокоит, всё-таки родная племянница, – перестал улыбаться.

Только вот словам его я не поверил. Не было в них ни искреннего переживания, ни теплоты, сухие, бесполезные звуки. Нахмурившись, сделал глоток воды, не давая ругательствам вылиться наружу.

– Если это так, тогда вы сразу же с радостью сообщите мне, если она свяжется с вами? – я видел насквозь, прогнившее нутро Ивана. Никакой уверенности в его словах быть не могло. Но попробовать всё-таки стоило.

– Конечно, конечно, – театрально свёл брови вместе, изображая печаль. – Только и мне твоя помощь не помешает.

А вот и истинные мотивы, приведшие его на эту встречу. Слегка улыбнулся, получив подтверждение собственным мыслям.

– Слушаю, – отодвинул бокал в сторону, вложив один кулак в другой.

– Ты с братцем моим табак перевозил, верно? – понизил голос Асадов, оглядываясь на своих людей, стоящих чуть дальше стола.

– Все верно, – начал догадываться о характере его просьбы.

– Хочу заключить договор с твоей компанией в обмен на полное сотрудничество в поисках племянницы, – уверенно заявил Иван.

– Что собираетесь возить?

– Явно не табак, – хрипло засмеялся собеседник, шмыгнув носом.

– Ничем не могу помочь, – пожал плечами, наблюдая за складкой на лбу русского, становящейся все глубже.

– Это не бесплатная услуга, и сразу после того, как получишь свой процент, сразу же забудешь о своём неудобстве. Хорошие бабки никому не помешают, – оживился Иван. – Твой табак фигня. Мороки много, прибыли пшик.

– Незаконными перевозками я не занимаюсь, и точка, – попытки Асадова-младшего убедить меня вступить в мой же бизнес, выглядели более чем жалкими. Но я наслаждался его смехотворными попытками заполучить хоть какую-то поддержку. Мать его, пускать чужака через свои каналы мне было не с руки, а подставлять его сейчас оказалось бы совершенно непредусмотрительно в сложившейся ситуации. Оставался лишь один выход – пустить его по левому каналу, перекрыв который, не потеряю стабильную прибыль и проверенные контакты. – Что конкретно будет перевозиться?

– Дурь, – воодушевился собеседник. – Возможно, оружие.

Чертов идиот ещё надеется найти покупателей на оружие после инцидента с китайцами. Непонятно, где он собирался искать покупателей. Никто из местных не согласится заключать с ним сделку, а содействовать в этом мне совсем не с руки.

– Мне это неинтересно. Проблемы с правительством не входят в мои планы. Не хотелось бы искать вашу племянницу из тюрьмы. Вряд ли она появится, чтобы ходить ко мне на свиданку, – достал из кармана сигарету, прикуривая.

– Много потеряешь, отказавшись, – неотрывно следил за мной Асадов-младший. – Но самое главное, потеряешь Марину.

Мьерда! Ублюдочный недоносок! Собрался давить на больное место, зная, что сейчас я готов на всё ради одного слова от неё!

– Где гарантии того, что ты не сдашь меня копам? – выдохнул клуб дыма ему в лицо.

– Только моё слово, – развёл руками Иван. Его глаза заблестели алчным блеском, предвкушая победу.

– Не знаю предприятий, продержавшихся долго на одном лишь слове, – усмехнулся, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу.

– Придется поверить, или я тебе не помощник, – откинулся на спинку кресла. – Слушай, чего ты так нервничаешь? Зачем мне сдавать тебя копам, если ты будешь перевозить мой товар?

– Сколько у меня есть времени на принятие решения? – снова затянулся дымом.

– Можешь думать так долго, насколько далеко можешь позволить Марише убежать от тебя, – почесал ладонью нос.

– Завтра дам ответ, – затушил сигарету, резко поднимаясь с кресла. – Жди звонка.

Иван сразу же переключил внимание на подошедшего с подносом официанта, довольно потирая ладони. Двое сидевших за соседним столом русских резко встали, провожая меня до двери взглядом, полным презрения. В отличие от трусливого наркомана я пришёл на встречу один. Будь здесь хоть кто-то из моих амигос, тогда даже этот тупой ублюдок в мгновение ока сложит пазл воедино, и после этого встанет вопрос совсем о другом ...

У меня ушло полчаса на то, чтобы просчитать возможные риски и способы удержать Асадова как можно дальше от действующих каналов. Проблема заключалась в другом. После облавы копы круглосуточно пасли меня и моих помощников. Требовалось найти посредника, способного заняться организацией поставки товара для Ивана, и сделать это как можно незаметнее. Лишь один человек, не затронутый вниманием копов, обладал моим безграничным доверием. Эстер. Я ненавидел себя за то, что собирался втянуть её в опасные игры, но без участия подруги сделка не состоится. А этого я никак не мог допустить. Поместив на одну чашу весов шанс приблизиться к Марине и на вторую – возможность подвергнуть риску Эстер, не колеблясь ни секунды, набрал не меняющийся долгие годы номер телефона.

– Привет, амиго! Заскучал? – без промедления послышался знакомый голос.

– Амига, ты нужна мне!

Сторонние наблюдатели думали, что Эстер – глупая дурочка, позволяющая мне использовать её. Но для меня она никогда не была расходным материалом. Она всегда была родственной душой, и я по-настоящему любил её, но не более чем друга. За что я любил Эстер? Эта девчонка всегда была рядом и участвовала во всех моих аферах, не спрашивая, для чего я совершаю те или иные поступки. Даже если мои действия ей казались сомнительными, не говоря ни слова, она всегда была вместе со мной. А когда я спрашивал её мнение, высказывала всё напрямую, не стесняясь в эпитетах. Я знал, что могу на неё положиться. Был уверен в ней больше, чем в себе. Амига знала, что я не позволю ей пострадать из-за меня. И я не собирался подводить её.

Уже через два дня Эстер в сопровождении Хавьера отправилась на встречу с тем раздражающим типом, Пабло Пересом. На самом деле я с трудом вспомнил, кто он такой, когда Хавьер предложил его в качестве подставного поставщика. В момент нашей единственной встречи парню не удалось меня впечатлить так, чтобы его образ остался в памяти. Но благодаря своему помощнику, напомнившему о подозрительно выгодных условиях Переса и непрекращающихся просьбах о повторной встрече, решил узнать о нём подробнее. Хавьер, выучив меня вдоль и поперек, заранее тщательно выполнил домашнее задание, предоставив подробную информацию о жизни и бизнесе Пабло Переса-Костильо. Ничего примечательного в его биографии я не заметил. Обычный пуэрториканец, бывший член «Жнецов». Две непродолжительные отсидки и небольшой официальный алкогольный бизнес. Никаких связей с конкурирующими бандами или копами нет. Его условия поставок выгодно подходили для сделки с Иваном. Мы предоставим ему товар, забирая разницу себе, а после разрыва договора с Асатовым не останемся ни с чем, не засветив основной канал. После переговоров с Большим Дэнни, Эстер и Хавьер, заручившись поддержкой банды, заключили договор с Пересом, а я смог получить необходимую помощь Ивана.

Целый год я терпел гребаного кокаинщика, при каждой встрече мечтая прострелить его пустой череп. Столько лет я ждал уничтожения его семьи, а теперь помогал твёрже встать на ноги, возвращая значимость его фамилии. Но всё это временное. Чем выше Иван взберется сейчас, тем больнее будет его падение после. Я ждал момента, когда смогу вытащить кирпичик из основания его пьедестала, терпеливо дожидаясь вестей от Марины. Но время шло, она пропала без следа, а терпеть Ивана становилось всё сложнее. Несмотря на его

неуёмное желание быть на вершине наркобизнеса, он совершенно не умел вести переговоры. То, как он занимался делами, волновало меня в меньшей степени, но постепенно это начало сказываться на его выплатах. А выкидывать сотни тысяч долларов на ветер за фантомную возможность получить хоть какую-то весть от Марины казалось бессмысленным.

За весь год сотрудничества я ни разу не встретился с Пересом лично, что по словам Эстер, выводило того из себя. Но получая стабильную оплату, Пабло не мог сказать ни слова против. Свой договор наша сторона выполняла безупречно, и казалось, что все стороны довольны. Понимая совершенную бесполезность Ивана, решил разорвать сделку с русскими, но для начала должен был отказать Пересу. Я не мог позволить Амиге одной вести переговоры о расторжении сделки с пуэрториканцем. Парень мог послать мне восточку в виде её простреленной головы в знак невыполнения обязательств, а этого я никак не мог допустить. Получив очередное приглашение Переса на вечеринку, решил впервые не игнорировать его, а появиться лично.

По дороге к особняку Переса, Эстер сохраняла поразительное спокойствие, учитывая непредсказуемые последствия этой встречи. Никто не знает, как может отреагировать пуэрториканец на потерю такого жирного куска. Я гордился Амигой, не понимая, зачем она во все это ввязалась, невзирая на моё предложение отсидеться в стороне. В этот вечер она выглядела ослепительно. Поднимаясь по лестнице в особняк, заметил, как облегает её тело черный шёлк платья, соблазнительно подчеркивая изгибы. Как блещут черные как ночь волосы. Она лёгким движением перекинула локоны на одно плечо, обнажая идеальную спину. Ещё ни разу я не видел её такой прекрасной как сегодня. Постоянные джинсы, брюки, шорты, изредка платья, но всё какое-то другое. Раньше я никогда не подобрал бы к ней слово «шикарная». Сегодня она открылась для меня с другой стороны.

– Что-то не так? – Эстер вопросительно подняла бровь, заметив то, как я рассматриваю её.

– Мьерда, Амига! Ты неотразима сегодня! – улыбнулся, радуясь её недоумению. – Почему я вижу тебя такой впервые?

– Может ты просто не смотрел? – пожала она плечами, останавливаясь перед дверьми.

Войдя в дом, я автоматически положил ладонь на поясницу Эстер, притягивая её к себе. Сейчас не время думать над её словами, оставившими неприятный осадок. Как только мы разберемся с этим дерьмом, я обязательно попытаюсь понять, что именно она имела в виду.

Дом кишел людьми. В нос ударил запах виски, шампанского и дорогого парфюма. Девушки в облегающих платьях бесстыдно демонстрировали свои прелести, бросая томные взгляды на окруживших их мужчин, а те, не скрывая интереса, рассматривали то, что им предлагали, выбирая себе развлечение на ночь. Эстер подняла подбородок выше, расправляя плечи, и плотнее прижалась ко мне. Пробравшись через откровенно танцующие парочки к бару, взял бокал виски, выискивая взглядом Переса.

-Видишь его? – спросил Амигу.

- Пока нет, – отпила из бокала джин. – Он сам найдет тебя, вот увидишь.

Я наблюдал за развлекающимися людьми и пытался поймать их кураж, которого не чувствовал уже больше года. Но происходящее вокруг злило, вызывая лишь отвращение. Я не любил веселиться на чужой территории. Слишком много врагов появилось за последние годы, чтобы можно было спокойно расслабиться. В любой момент дуло у виска могло напомнить, в каком мире живу, и никто не прикроет нас в этом притоне. Всё время, пока остальные отрывались, я находился в напряжении, улавливая каждое движение вокруг.

- Эстер! Господин Альварадо! – послышался восторженный возглас.

Слева от меня высокий латинос с самодовольной улыбкой на лице протянул руку для пожатия. Теперь я вспомнил, почему этот тип мне не понравился в прошлый раз.

- Господин Перес, – сжал его ладонь.

- Для вас просто Пабло! – обнажил белоснежную улыбку. – Наконец-то очаровательная Эстер смогла привести вас в мою скромную обитель, – развел руками.

– Нельзя оставлять дела без контроля, даже при огромном доверии. Обсудим бизнес? – вернул бокал на барную стойку, рассматривая Пабло.

– Конечно, – кивнул пуэрториканец. – Пройдемте в мой кабинет.

Перес вывел нас в небольшой холл, находящийся в стороне от общего веселья, где оказалась всего одна дверь. Распахнув дубовую дверь, Пабло пригласил нас внутрь.

– Присаживайтесь, – махнул на два кресла, стоящие перед письменным столом. – Виски?

– Не откажусь, – присел в мягкое кожаное кресло, внимательно наблюдая за хозяином дома.

– Эстер не предлагаю, так как она никогда не пьет раньше, чем разберется с делами, – повернулся к ней Пабло, подмигивая.

– Запомнил? – щеки Амиги залил легкий румянец.

– Я ничего не забываю, – налив два бокала виски, поставил один передо мной, а второй забрал с собой, усаживаясь за стол напротив нас. – Я примерно догадываюсь, о чем вы хотите поговорить. Эстер упоминала о затруднении сбыта товара.

Перес продолжал улыбаться, но улыбка не затрагивала глаз. Казалось, что он находится в жутком напряжении. На его месте я бы тоже напрягался, если кто-то решил помахать перед носом сумкой денег и тут же отобрать её.

– Именно об этом я и хотел поговорить, Пабло, – взял в руку бокал, делая небольшой глоток. – Нам...

Дверь кабинета распахнулась, впуская внутрь облако запаха ванили.

– Любимая! – перевел взгляд на вошедшего Перес. – Иди сюда, хочу тебя познакомить со своими партнерами.

Втянул глубже запах, слушая, как цокают каблуки по мраморному полу. В горле пересохло, а сердце слегка запнулось и побежало быстрее обычного. Странная реакция на появление незнакомой женщины. В поле зрения появился красный подол платья. Хрупкое запястье обхватывал тонкий браслет, переливающийся на свету. Поверх красной материи, её рука смотрелась совсем крохотной. Девушка словно в замедленной съемке прошла к столу, а у меня перехватило дух. Острые плечи, тонкая длинная шея, молочная кожа. Со спины она до боли в груди напоминала единственную, мысли о которой не позволяли спать по ночам. Медленный разворот головы – и мир перестал существовать, оставив лишь раскосые глаза цвета морской волны, заставлявшие не раз тонуть в своём омуте, пухлые алые губы, вкусом которых не мог насытиться, снова и снова вспоминая, какие они податливые. Передо мной стояла она. Мой Котёнок. Такая же прекрасная, какой я увидел впервые, и такая же любимая, какой видел в последний раз.

– Знакомьтесь, моя невеста Кэндис, – вернул на землю голос Переса.

Глава 6

Время перестало существовать, растворяясь в вечности. Все чувства обострились до предела, будто превратившись в сверхспособности. Картинка стала ярче, словно у старого экрана телевизора, попавшего в руки к умелому настройщику. Внезапно все то, что казалось серым и размытым, приобрело четкие очертания, заполняя мир красками. И аромат, ни с чем несравнимый запах ванили. Её запах. Тонкий и еле уловимый, спрятанный под густым слоем терпкого парфюма, он пробивался наружу, пробуждая меня к жизни. Я не слышал ничего, кроме звука собственного сердца, стремящегося вырваться из груди и очутиться рядом с ней. Смотрел на её фарфоровую кожу, нежный румянец и грудь разрывало от нестерпимого желания очутиться рядом с ней, прикоснуться к ней, прижать к себе, убедиться в том, что это она, а не её голограмма, способная испариться в любой момент. Я не верил своим глазам и в то же время обрел некое умиротворение. И прежде мне не требовалось доказательств того, что она жива. Я знал это. Не знаю, каким именно образом, но был уверен на тысячу процентов в том, что Марина дышит тем же воздухом, что и я. Безумием оказалось увидеть её именно здесь, с этим человеком, среди подобного сброда. Нужно было во чтобы то ни стало вытаскивать её отсюда. Но я просто смотрел на неё, пытаюсь вновь запомнить каждую черту лица, каждый взмах длинных ресниц, каждый взгляд, затягивающий меня в бездну глаз цвета

моря.

– Диего? – услышал, пробивающийся сквозь туман голос Переса. – Диего, с вами все в порядке?

Прохладное прикосновение к руке, вернуло к реальности. Ладонь Эстер накрыла мою, напоминая, что в этом безобразном мире существуют другие люди, кроме Марины и меня.

– Да, – машинально ответил хозяину дома, не сводя глаз с Марины. Она положила руку на плечо Пабло, повернув к нему лицо. Внутри меня всё клокотало от переполнявших эмоций. Единственно важным в данной ситуации было лишь то, что она жива и стоит передо мной прекрасная, словно ночное сновиденье. И разбираться в том, почему этот выскочка назвал её своей невестой, мне предстоит после. А пока что, я просто, мать его, чертовски счастлив просто видеть её.

– Я очарован красотой вашей невесты, – осторожно вытащил руку из-под пальцев Эстер, приподнимаясь на ноги и застегивая пуговицу на пиджаке.

– Таких, как моя Кэндис, больше нет, – Перес повернул к ней лицо, улыбаясь, поглаживая по руке.

Увидев, как он дотрагивается до её руки, ощутил, как меня прострелила злость. Захотелось в ту же секунду разбить лицо недоноска. Но до тех пор, пока я не пойму, что здесь происходит, нужно проявить все чудеса самообладания и не наломать дров.

Не спеша я обошел стол, разделяющий, словно на километры, Марину и меня. Котёнок медленно повернулась ко мне лицом, вежливо улыбаясь. Рука Пабло напряглась, крепче сжимая острое плечо.

– Грубо было с моей стороны, не представиться, – протянул руку Марине, дожидаясь пока она вложит свою ладонь в мою. – Диего Альварадо, деловой партнер вашего ..., – запнулся перед таким ненавистным для меня словом, – жениха.

Марина посмотрела мне в глаза, быстро опустив взгляд к моей руке. У меня перехватило дыхание в предвкушении её прикосновения.

– Очень приятно, господин Альварадо, – снова подняла бирюзовые глаза к моим, уверенно положив маленькую руку в мою открытую ладонь.

Электрический разряд в месте соприкосновения с бархатистой кожей Марины запустил замершее сердце. Оно мгновенно отозвалось на этот невинный жест, подпрыгивая в груди и забившись с удвоенной силой. Не могло быть сомнений, что это именно та рука, которая ласкала меня ночами, успокаивала в моменты гнева. Чуть наклонившись вперёд, осторожно поднёс хрупкую ладонь к лицу, прикасаясь губами к белоснежной коже. Мьерда! Здравый смысл во мне боролся с яростным желанием обхватить её двумя руками, прижать к груди, исследуя губами каждый миллиметр её кожи, наслаждаясь ни с чем несравнимым вкусом, наполняющим меня жизнью.

– Кэндис Уильямс, – её голос не дрогнул, выдавая мне эту ложь, будто она сама верила своим словам. – И я ни в коем случае не подумала о вас плохо.

Оторвавшись от её кожи, выпрямился, всматриваясь в прекрасное лицо, надеясь увидеть знакомые эмоции, охватывающие её во время нашей близости.

– Значит, до вас еще не дошли слухи, – улыбнулся, удерживая в узде волнение накрывшее меня.

– Как знать, – улыбнулась она какой-то новой для меня улыбкой, в которой чётко угадывалась насмешка. – Они правдивы?

– Как знать, – усмехнулся, все ещё пребывая в подвешенном состоянии.

– Кхм, – услышал кашель за спиной.

Рука Марины выскользнула из моей, оставляя с неудовлетворенной потребностью большего.

– Моя подруга, Эстер, – вспомнил об Амиге, терпеливо ожидающей окончания нашего разговора, и вернулся к своему креслу.

– Наслышана о вас, – Марина протянула руку Эстер, переключив все своё внимание на неё. – Пабло отзывался о вас как о леди с железной хваткой.

На лице подруги замерло ничем не прикрытое потрясение. Она, не моргая, смотрела на Марину, не делая ответного жеста.

– Она слишком потрясена вашей красотой, – попытался сгладить неловкий момент, вытягивая подругу из ступора.

– Простите, – словно очнувшись ото сна, Эстер, улыбаясь пожала руку Марине. – Он приукрашивает мои способности. Я всего лишь стараюсь получить своё любыми способами.

– Незаменимое качество для бизнеса, – с интересом разглядывала мексиканку Марина.

– Я же говорил тебе, она прелесть, – рассмеялся Перес.

– Да, – улыбнулась Марина. – А ещё ты забыл сказать, какая она красавица. Господин Альварадо настоящий счастливчик, что рядом с ним такая девушка, – разорвала рукопожатие, поправляя кольцо, блестящее словно огромная лампа, на её пальце.

– Уверена, он знает об этом, – повернулась ко мне Амига, подмигивая.

– Что ж! – обвела взглядом собравшихся Марина. – Не буду вам мешать. Бизнес есть бизнес, а меня ждут гости.

В каждом, сказанном девушкой слове, слышались перемены. Я не мог понять, что именно изменилось в ней, но то, что с лица полностью стерлась привычная мягкость, было очевидно невооруженным взглядом.

– Я присоединюсь позже, – улыбнулся Пабло, схватив её руку и прикладывая её к своему жадному рту.

Кресло затрещало от силы, с которой я сжал подлокотники. Никакое самообладание не способно погасить во мне инстинкт защищать своё. Не важно,

что произошло с Мариной, и какой цирк она разыгрывает передо мной, она принадлежит мне. И ни одна тварь не смеет прикасаться к ней, будто к своей собственности. Ярость обжигающей лавой забурлила во мне, вытесняя радость от встречи. Я напрягся всем телом, сдерживая порыв превратить лицо Переса в кровавое месиво. Смотрел, как плотоядно блестели его глаза при взгляде на невесту, и понимал, что не могу контролировать себя. Эстер, сдавила мою руку, удерживая на месте. Стиснув до боли челюсть и сминая подлокотники, я, словно идиот, молча наблюдал за тем, как Марина одаривает его ласковой улыбкой, покидая кабинет. Меня переворачивало от того, что она даже не удостоила меня взглядом, посылая своему чёртову жениху воздушный поцелуй перед дверью. Смотрел, зная, что не могу заявлять свои права на неё, пока не прощупаю почву. Но, мать его, не хотел притворяться, что не знаю её. Не хотел! Мне требовалось схватить ее, заставить перестать играть, показать Марине, что, несмотря ни на что, она все ещё моя и всегда ею будет. Чем дольше я сдерживался, тем чётче понимал, что надолго меня не хватит. Я мог ждать и готовиться к чему угодно и неважно, как долго, если знал, что цель оправдывает временные неудобства. Только в этот раз я абсолютно чётко понимал, теперь выдержки может не хватить.

Когда дверь захлопнулась, я почувствовал, как поменялась атмосфера в воздухе, буквально искрящемся от напряжения. Всё вопросы, обсуждаемые ранее с Пересом, полностью потеряли интерес для дальнейшего обсуждения. Сейчас меня заботила лишь Марина, которую этот выскочка присвоил себе. Его наглые глаза ухмылялись, излучая восторг. Мои руки зудели от желания стереть с его лица самодовольное выражение. Не долго ему осталось улыбаться, так как я уничтожу его, за то, что посмел прикоснуться к ней.

– На чём мы остановились? – Пабло потер руки перед тем, как взять бокал виски.

– О трудностях сбыта товара, – напомнила Эстер.

– Что случилось? – пуэрториканец наклонился вперед, внимательно посмотрев на неё.

– Наши точки, одну за другой, стали накрывать копы.

– Большие убытки? – нахмурился Перес.

– Да, – я не дал ответить Эстер. – До шестидесяти процентов потерь территорий, – пусть цифры верны всего лишь отчасти, но таким образом расторжение договора будет наименее безболезненным. – Мы только вкладываем, но не получаем ничего взамен.

– Понимаю, – откинулся на спинку кресла Перес, сосредоточенно глядя на меня. – Хотите выйти из дела?

– Не вижу другого выхода. Зачем мне вкладывать деньги в то, что несет убытки?

– Разрыв сделки понесёт для вас ещё большие потери.

– Я прекрасно понимаю, чем нам это грозит. Поэтому предлагаю найти вместо Сангре Мехикано другого клиента, плюс пять процентов к прежним условиям, – разговоры о бизнесе волновали меня в меньшей степени. После того, как я узнал, что где-то за этой дверью находится мой Котёнок, я был готов оставить все как есть, лишь бы оказаться рядом с ней. Но существовало одно правило, которое въедалось в мозг каждого члена банды и навсегда оставалось на подкорке сознания: личные интересы не должны вредить интересам братьев.

– Так не пойдёт, – наклонился вперёд Перес, опираясь локтями о стол. – Мы заключали договор с Сангре Мехикано, полагаясь на авторитет банды и её влияние на побережье, – самодовольство исчезло из взгляда пуэрториканца, оставляя холодный расчёт.

– Предложение было построено на взаимовыгодных для сторон условиях. Для другого клиента будет совершенно иной договор.

– Я бы удивился, если бы ты ответил по-другому, – усмехнулся, наконец-то осознав, что передо мной не зарвавшийся щенок, а настоящий делец, продумывающий все ходы заранее. – Выставляй свои условия. Я же гарантирую: не расторгну сделку до тех пор, пока не найду нам замену. И в дальнейшем можешь рассчитывать на мою поддержку и поддержку моих Амигос. Сангре Мехикано не оставит тебя без помощи.

– Хм, – снова откинулся назад на высокую спинку кресла Перес, соединив ладони перед лицом.

Нахмурившись, несколько мгновений он смотрел на дубовую столешницу, не произнося ни слова, а я считал бесконечные секунды до момента, когда смогу вырваться из этого душного кабинета.

– Не могу осуждать тебя, Диего, за это решение, – наконец посмотрел на меня, прерывая молчание. – В подобной ситуации я бы тоже решил расторгнуть сделку, но сейчас я, прежде всего, думаю о своём благополучии.

– Ты ничего не потеряешь, скорее наоборот. Материальная выгода окажется выше, чем при нашем сотрудничестве, плюс покровительство банды, – не моргая, смотрел на Переса, пытаюсь понять, почему она оказалась с кем-то вроде него. И не находил ответа.

– Мне нужно несколько дней для принятия решения.

– Договорились. Через пару дней встретимся вновь, – меня начинал напрягать этот баран, цепляющийся за наш договор, как за последний шанс. Но больше всего раздражало то, что Перес прекрасно понимал – предложенный мной вариант, единственный возможный в данной ситуации. Если, конечно, не принимать во внимание первоначальный вариант расторжения сделки, без поиска запасного клиента на замену. Появление Марины помогло мне утвердиться в правильности принятого решения. Я должен узнать всё об этом хмыре и, самое главное, почему мой Котёнок оказался именно с ним!

– В таком случае, предлагаю присоединиться к основному веселью, – улыбнулся хозяин дома, переводя взгляд с меня на Эстер и обратно.

– Спасибо за приглашение, мы задержимся ненадолго, – мысленно я уже покинул комнату и разыскивал Марину.

– С большим удовольствием, – ответила Амига, поднявшись на ноги и поправляя платье.

Проводив нас к стойке бара, Пабло тут же переключил внимание на кого-то из гостей. Сгорая от нетерпения, я тщетно пытался найти знакомый силуэт в зале, переполненном людьми. Дрожь, расплзающаяся изнутри, выбралась наружу. Мне стало невыносимо страшно, что она оказалась лишь плодом моего воображения, и на самом деле я принял за неё другую девушку.

– Тебе нужно выпить! – протянула бокал рома Эстер.

– Не сейчас, – не взглянув на подругу, продолжил вертеть головой по сторонам, отыскивая девушек в красных платьях.

– Ты весь на взводе. Что происходит, чёрт возьми? – почти шепотом спросила она, приблизившись ко мне вплотную.

– Хотел бы я сам разобраться в том, что здесь происходит, – чувствуя нарастающее волнение, похлопал себя по пиджаку, вспоминая, положил ли сигареты во внутренний карман. – Скажи, что я не псих, и она мне не привиделась? – посмотрел на Амигу, не понимая до конца, какой ответ желаю услышать.

– Нет, – она протянула руку к стакану с ромом, предназначавшимся мне, залпом опустошая бокал.

– Дьявол! – бросил попытки найти сигареты, снова осматривая толпу. – Я думал, что сошел с ума.

– Ты нет, – вернула пустой бокал на барную стойку, показав жестом повторить заказ. – А она, похоже, что да...

– Я должен найти её.

– Диего, прошу тебя, не натвори глупостей, – встала передо мной Эстер, упершись ладонью в грудь. – Тебе сейчас не нужны проблемы с пуэрториканцами. Что бы ты не чувствовал, думай над последствиями, – тревога в глазах Амиги напомнила о тех днях, когда я наплевал на все и позволил себе упиваться горем, забыв про банду и создав для неё множество сложностей.

– Не волнуйся, – сжал её руку. – Все будет в порядке.

Оставив Эстер у бара, я направился в гущу танцующих людей. Пробираясь сквозь извивающиеся расслабленные тела, всматривался в лицо каждой блондинки, игнорируя цвет одежды. В конце концов, смена платья не занимает много времени. В глазах рябило от множества лиц, сливающихся в бесцветную

массу. Звуки музыки и хохот, звоном отдавались в ушах. Казалось, что людей так много, что на осмотр каждого уйдёт, как минимум, несколько дней. Подняв голову, увидел перила холла второго этажа. Не теряя ни секунды, двинулся в сторону лестницы. Оказавшись в стороне от потных тел веселящихся гостей Переса, заметил промелькнувший подол красного платья.

Сердце пустилось вскачь, устремившись за убегающим миражом. Не медля ни секунды, быстрым шагом пошёл за алым знаменем, убегающим от меня словно огонь по зажженному фитилю. Я ускорил шаг, пытаюсь разглядеть хотя бы цвет волос девушки, но видел лишь хвост подола. Вслед за лавирующим между гостями красным маячком я вышел во двор, останавливаясь вместе с застывшим на месте платьем. Шумно сглотнув, поднял взгляд вверх по обтянутой алым шелком, хрупкой фигуре. Белокурые пряди, развевались на ветру, доносящим до меня легкие отголоски ванили. Она разговаривала с мужчиной и женщиной, делая саркастические замечания и посмеиваясь над их ответами. Услышав звук её мягкого смеха, почувствовал, что в груди все сжалось от болезненных воспоминаний. Когда-то она так же смеялась для меня, превращая в самого счастливого человека во всем этом грёбанном мире, а теперь я не знал, имею ли право просто слышать её голос. Не двигаясь с места, наблюдал, словно хренов извращенец, как она поправляет волосы, изящными пальцами, как слегка наклоняет в сторону голову, слушая собеседника. Я, бл***ь, просто стоял на месте и не решался сделать шаг к ней на встречу. В голове проносилась тысяча слов, которые я мог ей сказать, и ни одно из них не было верным для неё, для нас. К собеседникам Марины присоединилась еще одна пара, оживленно рассказывающая очередную бредовую историю. Взяв бокал с подноса проходящего мимо официанта, Марина молча потягивала шампанское, слушая гостей.

Так и не найдя правильных слов, я шагнул вперед с полным ощущением того, будто сделал шаг в пропасть. Затаив дыхание, я приблизился к Марине, остановившись за её спиной. Сердце с удвоенной силой качало кровь, справляясь с вновь охватившим волнением. Наверное, впервые в жизни я был взволнован настолько, что боялся пошевелиться. Я мог просто протянуть руку и прикоснуться к ней, развеяв все страхи и волнения. Но любой неверный жест или слово способны испортить абсолютно все, оттолкнув от меня Марину. Но и стоять в стороне я не собирался. Эта моя женщина! Пришло время вернуть её себе.

– Вы не танцуете? – медленно обошел девушку, останавливаясь напротив неё.

– Как и вы, – усмешка, исказила её пухлые губы.

– У меня есть для этого веское оправдание, – заглянул в её глаза, стараясь найти там хоть какие-то эмоции.

– Неужели не умеете танцевать?– приподняла одну бровь, ожидая ответа.

– Умею. Просто я жутко хочу курить, а ваш особняк похож на зону для некурящих, – сказал первое, что пришло на ум, не зная, в какую сторону нужно двигаться.

– Пабло – противник курения и не выносит запах табака, – отпила шампанское. На лице Марины явно читалось недоумение, объяснение которому я никак не мог и не желал находить.

– А вы? Вы тоже не переносите запах табака?– вспомнил, как выпускал ей в рот сигаретный дым, не желая отрываться от её сладких губ ни на секунду.

– У меня аллергия на табачный дым, – коротко ответила она.

– Вряд ли такую аллергию можно считать наказанием, – улыбнулся, пытаясь выдать из Марины хоть какую-то эмоцию.

– Мой организм оградил меня от ненужного.

– Тогда вам повезло, – увидел на лице Котёнка прядь волос, застилающую глаза. Дёрнулся, чтобы убрать её, но вовремя остановился, наткнувшись на лед в бирюзовом взгляде.

Марина ничего не ответила, молча потягивая шампанское из бокала и недоуменно взирая на меня. Неловкость ситуации нарастала с каждым мгновением, утягивая меня на дно отчаяния, и нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы разрушить барьер, возведенный между нами Мариной.

– Мы с вами не встречались раньше?– главной задачей на этот момент для меня стало понять, что с ней случилось, и почему она старательно делала вид, будто незнакома со мной.

– Не думаю. Я раньше не сталкивалась с подобными людьми, – снова усмехнулась она.

– Подобными?– нахмурился, стараясь понять, что именно она имела в виду.

– Самовлюбленный, помешанный на деньгах, власти и сексе, разве это не о вас? – равнодушный тон, с которым она выдала характеристику на меня, удивил еще больше, чем холод во взгляде.

– Если мы не встречались раньше, то, что помогло вам сделать подобные выводы? – улыбнулся, поражаясь откровенности Котёнка.

– А мне и не нужно знать вас, чтобы сделать выводы по вашей манере держать себя.

– И что именно в моей манере держать себя выдавало во мне властолюбивого сексоголика? – автоматически засунул руку в карман брюк, разыскивая зажигалку.

– То, от чего вам ни за что не избавиться, – поставила опустевший бокал на поднос, меняя на наполненный. – Слухи.

– Это самый большой мой недостаток, – рассмеялся в голос, не в силах отвести от неё глаз.

Справившись с первоначальным шоком, полученным в кабинете, только сейчас смог как следует рассмотреть её. Внешне она почти не изменилась. Только волосы гораздо короче, чем раньше. Но вот взгляд, манера подать себя, выдавало в ней совершенно другого человека. Уверенность и пренебрежительность, с которой она смотрела на людей вокруг, не позволяли усомниться в переменах, произошедших с ней за этот год. Моя Марина была нежным котёнком, не способным на резкость и не знающим высокомерия. Эта девушка казалась полной её противоположностью. Едкие замечания, язвительные шутки – все это сейчас составляло неотъемлемую часть новой Марины или, как все её называли, Кэндис.

– Всё же слухи..., – качнул головой, вспоминая разговор в кабинете.

– Думаю, недостатков у вас больше чем достоинств. Достойные люди держатся вдали от наркотиков.

– Согласен. И как много вы знаете действительно достойных людей среди собравшихся?

Кивнул на людей, прохаживающихся за спиной девушки, прекрасно осознавая, какого сорта этот сброд. Я боялся отвести глаз от неё и пропустить малейший намёк на то, что не всё еще потеряно, и в её груди я занимаю значимое место.

– Среди них достаточно тех, кто способен развеять скуку.

– А Пабло? Он тоже один из тех, кто развеивает скуку? – мысленно умолял её ответить «да» и наконец-то сорвать с себя маску бездушной куклы.

– Пабло – это Пабло. У него есть огромное преимущество перед толпой, – произнесла его имя с какой-то особой мягкостью.

– Огромное доброе сердце? – усмехнулся, начиная закипать от её восторженного тона, с которым она говорила о Пересе.

Марина слегка наклонила голову на бок, осматривая меня с головы до ног. Этот взгляд был похож на ее тот самый, первый, который она подарила мне на приеме отца. Тогда я не представлял, чем обернется затеваемая игра, а теперь... Теперь мечтал вернуть время вспять и повторить все заново, уберегая нас от прежних ошибок. Единственное, что отличало этот её новый взгляд от того – в нем не было интереса, совершенно. Абсолютное равнодушие и холод.

– Вам не понять, – отвернулась от меня, отсалютовав бокалом какому-то гостю, слегка кивнув головой.

– Я бы попробовал, да только боюсь, это плохо кончится, – не осталось ни малейшего желания изображать учтивость. В груди, словно холера, расплзлось раздражение, заражая каждый миллиметр.

– Почему? – бросила лукавый взгляд поверх бокала, делая глоток шампанского.

– Прекращай, – понял, что не в состоянии играть в эти идиотские игры и притворяться, будто мы чужие люди.

– Что, простите? – с её лица мгновенно сползла самодовольная улыбка.

– Хватит притворяться, что видишь меня впервые, – сделал шаг навстречу. – Я, бл***ь, с ума сходил, разыскивая тебя этот год! – смотрел ей в глаза, зная, что она должна отреагировать.

– Я не понимаю о чем вы, мистер Альварадо, – нахмурилась Марина. – Вы должно быть меня с кем-то путаете.

– Чёрт возьми, Марина! Я знаю каждую твою черточку, самую маленькую родинку на твоём теле, я найду тебя в толпе по запаху, – наклонился ближе, чтобы меня могла слышать только она. – Как я могу перепутать тебя с кем-то другим?!

– Вы абсолютно точно ошибаетесь. Меня зовут Кэндис, и я не знаю никакой Марины, – раздраженно ответила девушка, отступая назад.

– Можешь рассказывать эти сказки своему жениху, – прошипел, сдерживаясь, чтобы не закричать на неё.

– Да что вы себе позволяете?! – начала отворачиваться от меня.

– Мьерда, Марина, – поймал её руку, останавливая. – Прости, – сказал то слово, с которого стоило начинать разговор.

– Кэндис? – из-за спины девушки появился Перес. – У вас все в порядке?

Мне было плевать на Переса. Моим вниманием полностью владела Марина. На краткое мгновение в её глазах промелькнула боль. Та самая, что скручивала меня ночами и разрывала душу на мелкие осколки. И так же быстро исчезла.

– Всё в порядке, – презрение исказило лицо девушки. Котёнок снова спрятался за стервозную Кэндис. – Господин Альварадо рассматривал кольцо, которое ты подарил мне, – выдернула руку из моей.

– Ты так и будешь хвастаться им перед всеми знакомыми!– засмеялся Перес, приобнимая невесту.

– Ты же знаешь, я в полном восторге от него, любимый! – вытянула вперед ладонь, любуясь огромным камнем на пальце.

– Если потребуется, я скуплю тебе все бриллианты мира, лишь бы ты была счастлива! – в каждом жесте и взгляде пуэрториканца сквозила нежность.

– А вы, Диего, делали ли кого-нибудь счастливой? – уничижительно посмотрела на меня, прижавшись ещё больше к Пересу.

Две пары глаз, издевательски тычущие в лицо своим суррогатным счастьем, молчаливо дожидались ответа. Руки Пабло, плотным кольцом сжавшиеся вокруг белоснежной кожи Марины, по-хозяйски гладили её по плечу. Расслабленная и спокойная, она млела от его прикосновений, позволяя ему ласкать себя. Взирая на их умиротворенные лица, я начал сомневаться в верности своих предположений. Возможно, она действительно не помнит, кем была и возможно, действительно влюблена в пуэрториканца.

– Не знаю, – я действительно не знал, был ли кто-то когда-то счастлив благодаря мне. И тем более не мог этого сказать о Котёнке.

– Прошу нас извинить, нас дожидается мой брат. Он привез фотографии племянников, – извиняющийся тон Переса совсем не сочетался с тем образом самоуверенного выскочки, пришедшего предлагать мне свои услуги.

Они удалялись не разжимая объятий, оставив меня в полной растерянности. Марина ни разу не обернулась, уходя с тем, кто решил лишить меня того, что действительно важно. Моей женщины.

– Чёрт!– озадаченно провел рукой по волосам, шагая из стороны в сторону, проклиная себя за глупость.

Я понимал, что облажался, и не знал, как теперь это исправлять. У меня был шанс поговорить с ней, а я его потратил настолько бездарно. Вряд ли появится новая возможность остаться с Мариной наедине. А мне, мать его, просто

необходимо узнать, что с ней произошло, и как теперь мне можно все исправить!

Забыв о приличиях, я последовал за парочкой в дом, бессмысленно надеясь найти ответы на свои вопросы. Я шёл за ними по пятам, оставляя большую часть времени незамеченным. Наблюдая за Котёнком, её общением с другими людьми, я всё еще надеялся увидеть свою девочку, а не эту высокомерную подстилку Переса. Встретившись с ней глазами несколько раз за вечер, рассчитывал на то, что она устанет притворяться. Но Марина улыбалась мне точно так же, как делала это абсолютно для всех гостей на этой вечеринке. Её взгляд оставался приветливым, но совершенно равнодушным. В моей груди все переворачивалось от этой холодности, заставляя сердце истекать кровью. Меня разрывало от желания прижать Марину к себе изо всех сил, только лишь для того, чтобы убедиться в её реальности. Вдохнуть глубже её запах, запустить пальцы в шелковые волосы, и помочь её телу вспомнить мои прикосновения. Я превратился в маньяка, неотрывно следящего за передвижениями Котёнка по дому. И мечтал убить каждого, кому посчастливилось хотя бы на мгновение завладеть её вниманием.

Бокал за бокалом, я опустошал местные запасы рома, расковыривая рану, не успевшую затянуться, как следует. Месяцы постоянной борьбы с болью и отчаянием безвозвратно исчезли. Я смотрел на Марину, смотрел на то, какие взгляды она бросает на Переса, намеренно позволяя сердцу кровоточить. Её постоянные прикосновения к рукам пуэрториканца будили во мне монстра. Но было что-то, что не позволяло мне до конца поверить в правдивость происходящего. Наблюдая за голубками, обжимающимися у перил второго этажа, я выжидал. Выжидал шанса всё исправить. До этого самого момента я надеялся, что все это просто временное помутнение, и стоит нам хотя бы пару минут побыть наедине, как она забудет о Пересе. Но как же, мать его, я был неправ.словно в замедленной съемке, я смотрел, как тонкие руки Марины обхватывают его шею, притягивая к себе. Марина слегка приподнялась на носочки, приближая своё лицо к его, приоткрывая губы. Воздух застрял у меня в горле, лишая возможности дышать. Марина закрыла глаза, впиваясь губами в его. Время остановилось. Это был самый долгий и, чёрт возьми, невыносимый миг в моей жизни.

Каждая мышца в теле напряглась как струна. Ярость вспыхнула адским пламенем внутри, превращаясь в нестерпимое желание расквитаться с соперником. Убрав с дороги раз и навсегда. В голове, словно назойливый красный свет лампочки над аварийным выходом, пульсировала лишь одна

мысль: «Убить»! Услышал хруст стекла и почувствовал, как по ладони побежала теплая струя.

– Боже, у вас кровь!– вскрикнула женщина, протягивая мне салфетку.

Даже не удостоив её взгляда, ринулся вперед, видя перед собой только ненавистную рожу Переса и его лапы, блуждающие по телу моей женщины. В венах кипела кровь, отправляя в каждую часть тела желание убивать. Шум в висках заглушал все остальные звуки, оставив лишь навязчивый призыв к насилию. Страхнув разбитое стекло на пол, твердым шагом шёл к парочке, зная, что силой вырву Марину из его липких лап. Мне стало наплевать на прелюдии и нежность, важным остался лишь тот факт, что она моя, и никто не смеет к ней прикасаться кроме меня.

– Ангел, стой, – выросла из ниоткуда Эстер, упираясь обеими ладонями мне в грудь. – Не сейчас, Диего! Очнись!– обхватила моё лицо, поворачивая к себе. – Посмотри на меня!– крикнула она.

Схватив её запястья, оторвал руки от себя, продолжив двигаться к намеченной цели.

– Так ты её не вернешь!– снова догнала Амига, схватив за руку.

– Я убью его, – прорычал в ответ, твёрдо зная, что не смогу ждать ни секунду дольше.

– Она возненавидит тебя, Диего!– встала передо мной Эстер, вновь обхватывая моё лицо ладонями.

– Уйди, Эстер!– посмотрел на неё, давая понять, что лучше ей не мешать мне.

– Чёртов упрямец! Не так! Ты вернешь её, но не так! Послушай меня! – умоляюще посмотрела на меня подруга.

– Уйди! – накрыл её ладони своими, чтобы убрать от лица.

– Мьерда! –выругалась она, поднимаясь на носочки и прижимая свои губы к моим.

Влажный горячий язык разомкнул губы, прикасаясь к моему. Резкие, порывистые движения языка, пробуждающие меня к ответным действиям, застали врасплох. Мягкие губы, впивающиеся в мои, требовали ответных ласк. Оторопев, я стоял не двигаясь. Поцелуй Амиги оказался неожиданным и резким, сбивающим с толку. Я не отталкивал её и не отвечал на поцелуй, позволяя делать то, что она хотела. Не получив ответной реакции, Эстер разорвала поцелуй, отшатнувшись от меня.

– Ещё спасибо скажешь, – зло вытерла губы тыльной стороной ладони.

Посмотрев поверх её головы на балкон, где видел Марину в объятиях Переса, нашёл лишь несколько девиц, весело смеющихся над шуткой полного парня.

Всю дорогу домой я не мог расслабиться, обдумывая произошедшее. Поглядывая время от времени на Амигу, занимающую соседнее сидение в машине, почувствовал чувство глубокой благодарности за её поступок. Если бы не она, то можно было устраивать похороны не только для пуэрториканца, но и для надежды на будущее с Мариной. А пока у меня все ещё оставался шанс на исправление ошибок. Шанс на жизнь, а не жалкое существование.

Глава 7

Вбежав в спальню задыхаясь, я осторожно закрыла дверь, чтобы не привлекать внимания гостей. Прислонившись к вибрирующему от громкой музыки дереву, закрыла глаза, стараясь вернуть ровное дыхание и унять крупную дрожь. Меня охватил озноб, сменивший дикий жар, который завладел телом сразу же, как только я узнала, что он в одном здании со мной. Почему я решила, что смогу пройти через все это, не рассыпаясь на кусочки, находясь рядом с ним? И кто мне внушил, будто я достаточно сильная для воплощения в жизнь плана, больше похожего на план самоубийцы? Нет, чёрт возьми. Я не готова ко всему этому дерьму, не готова снова проходить через мясорубку и не готова каждый раз при виде его умирать внутри.

Оказавшись у кабинета, мне не требовалось входить внутрь, чтобы убедиться в его присутствии. Я чувствовала Диего всем телом, находясь по противоположную сторону двери. Каждый волосок на теле ожил, восторженувшись и посылая холодок от одного к другому. Мне потребовалось немалая доля самоконтроля, чтобы, не реагируя на замирающее от страха сердце, сделать шаг в бездну. Как бы я ни старалась не смотреть на его спину, шагая к Андресу, никакие мотивирующие до этого мысли не помогли снять волнение и не помогли напомнить, для чего я оказалась там. Ещё не посмотрев на его лицо, я почувствовала тяжелый взгляд Ангела, слыша, как моё сердце предательски грохочет о грудную клетку. Стоило взглянуть на него, и весь мир перестал существовать. Я видела только его светло-голубые ошеломленные глаза, пшеничные волосы, четко очерченные губы – это всё, что существовало в тот момент. Диего совершенно не изменился внешне, несколько, как и моя реакция на него. Казалось, будто и не прошел мучительный год, и не было тяжелой борьбы с собственными демонами с лицом любимого мужчины. У меня перехватило дыхание от того, насколько он прекрасен и каким родным казалось его лицо. Но стоило увидеть девушку рядом с ним, и весь тот ужас, через который пришлось пройти, ярким всполохом пробежал перед глазами, помогая рассеять дурман. Только напомнив себе, кто виноват во всех моих бедах, и собрав в кулак все своё мужество, мобилизованное благодаря мыслям о Софи, я смогла безупречно отыграть отведенную роль. Лишь тело моё не переставало вести себя так, будто и не происходило ничего жуткого по вине этого человека. Каждое слово, сказанное Диего, каждый взгляд, различаемый даже затылком, погружали меня в удушающий жар. Его прикосновение ко мне запустило ток, от которого сердце принялось качать кровь во множество раз быстрее.

Я посмотрела на руку, по-прежнему чувствуя на ней ладонь Диего. Горячая, широкая и безумно родная. Когда он пожал мне её, хотелось закрыть глаза и упасть в его объятия, почувствовать тепло его тела хотя бы на мгновение. Только глядя на его ладони, никогда не смогу забыть, какими жестокими они могут быть, совершая непостижимые вещи.

Самым невыносимым моментом бесконечного вечера оказалось время, проведенное с ним наедине. Попытки Диего вытянуть наружу ту глупую влюбленную в него до безумия девчонку казались отчаянными. И запоздалое «прости», прозвучавшее так искренне, вполне могло сбить с толку меня прежнюю, но сейчас я не должна забывать, какой он на самом деле. Кем является человек с обманчивой внешностью Ангела. Вновь и вновь во время нашего разговора я повторяла про себя, что передо мной не Диего, а беспощадный и незнакомый Ангел, и, тем не менее, медленно плавилась, словно

свеча, от каждого его пронзающего взгляда, от голоса, пускающего мурашки по коже, от обжигающего прикосновения. Ещё немного, и я не смогла бы играть, продемонстрировав ему желаемое. Кто знает, как бы все обернулось, если пришлось бы провести в обществе Ангела еще несколько минут? Настойчивость всегда была самой сильной стороной Диего. Именно ею он и взял меня в прошлый раз.

И снова при мыслях о нем сердце сбилось с ритма. Боже, во что я ввязалась? Дай мне сил вытерпеть пытку воспоминаниями, оберегая мою Софи. Мою маленькую девочку, единственное, что действительно важно в этой жизни. Зная, где я, он сможет рано или поздно узнать о её существовании, и мне необходимо закончить этот спектакль как можно скорее. Иначе будет поздно.

Картинки того, как Ангел добирается до Софи, огненными всполохами встали перед глазами. Внезапно в комнате стало не хватать кислорода, сжимая горло и сдавливая грудь. Я досчитала до десяти, глубоко вдыхая и медленно выдыхая, прогоняя приступ паники. Не двигаясь с места, открыла глаза, успокаиваясь. Свет фар отъезжающих от особняка машин пробивался через портьеры, напоминая о доме, полном посторонних людей. Не желая возвращаться вниз, подошла к окну, немного раздвигая шторы, тут же инстинктивно прикрыв щель между ними. Диего стоял внизу у машины, держа открытой дверь перед своей спутницей. Шикарные длинные черные волосы волнами спадали по смуглой спине. Она грациозно села на сидение рядом с водителем. Очень красивая девушка. Неудивительно, почему он привел её с собой, желая продемонстрировать всем вокруг. Внутри всколыхнулась горечь, расплываясь и стягивая в узел все внутренности. Он никогда не показывал меня партнёрам или друзьям. Прятал словно грязный секрет, опасаясь, что тот всплывет на поверхность, словно утопленные в реку отходы. И сейчас Диего повезет её домой, где сделает с ней все, что пожелает. Представила их тела, переплетенные, извивающиеся в экстазе. Ясно увидела, как он наматывает на кулак черные локоны, удерживая за упругие бедра, вдавливаясь в неё словно отбойный молоток. Я тут же захлебнулась от отвращения к нему и к собственным эмоциям. Продолжила осторожно наблюдать за тем, как он закрывает дверь автомобиля, подняв голову вверх, скользит по мне взглядом, опуская взгляд к машине. На этот раз я не спряталась в темноте комнаты, подпитываясь ядом, отравляющим меня изнутри. Решив, что он не заметил меня, и сегодняшняя пытка подошла к концу, вздрогнула, увидев пронзительные голубые глаза, направленные на меня. Наши взгляды встретились, сцепившись в молчаливой битве. Несколько мгновений он смотрел на меня, наконец, разорвав зрительный контакт. Воспользовавшись моментом, когда Диего обходил

автомобиль, я вернулась вглубь комнаты, усаживаясь на кровать, позволяя буре эмоций переворачивать в груди все чувства, тщательно спрятанные в самые дальние уголки. Мне необходимо было позволить пройти этому шторму, чтобы он больше не мог заставить меня потерять равновесие и принять ложное за истинное.

Стук в дверь выдернул из размышлений:

– Ты в порядке?– послышался голос Андреса.

Его забота и участие в моей судьбе сбивали с толку. Я прекрасно понимала, что все это только лишь из-за тревоги о выполнении операции, но было в нем что-то располагающее, что заставляло поверить в его искренность.

Поднявшись на ноги, медленно подошла к двери, распахивая ее, молча приглашая его внутрь.

Не мешкая, Андрес тут же вошел в спальню, вглядываясь в мое лицо.

– Все хорошо?– осторожно спросил, посмотрев в глаза.

– Кажется, – при нем я старалась не прятать своих эмоций, зная, что он единственный, кто сможет хоть как-то помочь мне.

– Кажется?– не отводил глаз в сторону.

– Слишком много всего за один вечер. Не ожидала такой стремительности, – призналась своему псевдо жениху.

– Думаешь, сможешь продолжить?

– А разве теперь есть выбор?– хмыкнула, сдерживая истерику. – Я прыгнула в это болото, зная, что возможно не смогу выбраться обратно, – развернулась, возвращаясь на кровать.

– Ты была великолепна сегодня, – подошел ближе, присаживаясь напротив меня на корточки. – Даже я поверил, что ты не помнишь его.

– Это было не сложно, учитывая то, что я не помню ту сторону, которую он так тщательно демонстрировал сегодня.

– Он был потрясен и, кажется, в действительности одержим тобой.

– Это просто шок и синдром ребенка, у которого без спроса взяли ненужную игрушку, – снова представила его в постели с девушкой, сопровождавшей этой ночью.

– Не похоже. Но я могу ошибаться, – потер переносицу, устало посмотрев на меня. – А поцелуй был для..?

– Для достоверности, – моментально перебила Андреса. – Иначе, он ни за что не поверил бы в нашу легенду.

– И ты не пыталась заставить его ревновать? – испытующе смотрел мне в глаза, дожидаясь ответа.

– Я боюсь его ревности, – в груди снова образовался камень, увеличивающийся каждый раз при воспоминании о горящем теле Майкла. – И не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня, прости. Внезапно почувствовала вину перед мужчиной, старательно прятавшим меня весь этот год.

– Не беспокойся за меня, – повернулся спиной, опускаясь на пол и вытягивая ноги, откинулся на кровать. – Это моя работа, – слегка улыбнулся, пытаюсь успокоить меня.

– Все же, будь осторожнее, – теперь я знала, что могу ожидать от Ангела настоящих безумств, испытав на себе всю силу его помешательства. Мне больше не хотелось ввергать в такую катастрофу кого бы то ни было.

– Я знаю, с кем имею дело. Не волнуйся, – его интонация изменилась. Из голоса исчезла легкость, наполнив его решимостью.

– Хорошо. Не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня.

За всё то время, что мы провели бок о бок с Андресом, я ни разу не усомнилась в нём и его порядочности. Пожалуй, он один из немногих повстречавшихся мне людей, которые всё еще помнили о значении этого слова. Когда доктор Вашингтон сказала, что со мной хочет встретиться лейтенант Рамирес, я решила, что это – ужасная идея. Мне не хотелось тем или иным образом соприкоснуться с прошлым. Кошмары и так не желали отпускать из своих сетей и подпускать к себе кого-то, кто косвенно связан с пережитым, это казалось выше моих сил. Лишь брошенная случайно фраза Кэри о том, что жить в страхе в моём случае предпочтительнее, чем плюнуть фобии в лицо, рассмешила. Не знаю почему именно, меня задела ее слова, но мысль о том, что мне придется всю жизнь прятаться и бояться того, что Ангел найдет нас с Софи, посеяла панику. Я не желала бояться за жизнь дочери, превращая каждый день в борьбу с призраками. Требовалось покончить с этим раз и навсегда.

Именно тогда я позволила Андресу вновь появиться в моей жизни. С того момента, как он попросил меня о помощи в деле «Сангре Мехикано», я не могла думать ни о чём другом кроме мести. Разговоры с Рамиресом и его поддержка заряжали меня уверенностью в реальности задуманного, а время с Софи подогревало желание сделать невозможное и обезопасить её от монстра-отца.

Лишь часы, дни и недели в обществе Андреса, помогающего мне в подготовке к нашему делу, рассказывающего об устройстве банды, раскрывающего глаза на их методы ведения дел и на устройство жизни побережья в целом, полностью контролируемого бандой, позволили мне привыкнуть к нему и увидеть его как прекрасного, честного человека. Я перестала воспринимать его только копом, постепенно начав считать кем-то вроде друга.

Изучая материалы дела Диего, до которых смог допустить меня Андрес, я крепче убеждалась в своём решении навсегда оградить мою семью от Ангела. Преступления, числящиеся за ним, вызвали во мне животный ужас. Я знала, что он занимается торговлей наркотиками, работала в борделе, прикрывающимся безобидным клубом, догадывалась об оружии. Но горы трупов, к чьим смертям он оказался причастен, показали мне истинную личину этого хладнокровного чудовища. И тогда смерть Майкла перестала иметь оправдание. Какой бы сволочью тот не был, он не заслужил подобной гибели. И если я еще где-то пыталась оправдать Диего, списав все на предательство и ревность, то теперь я знала, что ему доставляла удовольствие чужая боль и человеческие жизни для него оказались лишь переработанным материалом, отбросами. Точно так же, как все те девочки в сырой холодной яме, так же, как и я.

– Теперь, когда ему известно, что ты рядом, будет продумывать вашу следующую встречу, – прикрыл глаза Андрес, устраивая голову удобнее на кровати.

– Я не знаю, Андрес, – скинула туфли, поднимая ноги с пола и притягивая колени к груди. – Тот мужчина, которого я знала, со мной всегда был очень импульсивен. Он один из немногих, повстречавшихся мне, кто полностью отдавался эмоциям, не думая о последствиях. Поэтому, если он все тот же, мы можем сколько угодно просчитывать его ходы и в итоге не угадать. Ангел удивит нас следующим шагом.

– Считаешь, нужно подождать, когда он сам свяжется с тобой?

– Он не заставит нас долго ждать, – я знала, что на этом этапе стану для него идеей фикс. Именно поэтому он сделает всё, чтобы добраться до меня. Оставалось только догадываться, как именно произойдет наша следующая встреча. – Сегодня мы были хозяевами ситуации, теперь он сделает так, чтобы ситуация оказалась на его стороне.

– Именно поэтому я и волнуюсь за тебя, – открыл глаза Андрес, повернув голову ко мне.

– Я выучила уроки прошлого на «отлично», и теперь со мной будет все в порядке, – я не сомневалась в этом ни на долю секунды. Свою порцию боли я уже испила в прошлом.

Несколько дней после знакомства Кэндис Уильямс и Диего Альварадо не происходило совершенно ничего. Мы пребывали в каком-то подвешенном состоянии. Андрес находился постоянной в работе, занимаясь новыми контактами и прослеживая успешность поставок. И только когда он появлялся дома, я видела, насколько он озадачен затишьем со стороны Ангела. Мне оставалось лишь бессмысленно убивать время, загорая у бассейна и прогуливаясь по магазинам. В какой-то момент ощущение дежавю стало настолько сильным, что могло посоревноваться в интенсивности с кошмарами, по-прежнему нападающими на меня по ночам. Я снова превратилась в жалкую содержанку, прожигающую жизнь. Лишь мысли о Софи помогали не потонуть в том водовороте, в который засасывали меня воспоминания о прежней жизни.

Прошло больше двух недель с тех пор, как я видела последний раз свою малышку. Тоска по ней съедала меня изнутри, вызывая желание бросить эту безумную затею и вернуться к ней. Связываться с домом я не могла, опасаясь прослушки. Единственной связующей ниточкой с дочкой оставались фотографии, приходящие раз в несколько дней на анонимный электронный адрес. И тогда просматривая свидетельства того, как растет Софи вдали от меня, окруженная совершенно чужими людьми, на меня накатывало отчаяние. А что, если вся эта затея закончится для меня гибелью? Что будет с моей девочкой? Ведь тогда он узнает о ней. Обязательно узнает. И чтобы вернуть себе твердость духа, я вскрывала гнойник, выпуская пройденный ад наружу, напоминая себе причины, по которым я была обязана довести дело до конца.

Поддерживая легенду, время от времени мы появлялись на людях вместе, разыгрывая влюбленную пару. Притворяться близкими с Андресом оказалось совсем не сложно. Мне было комфортно и спокойно с ним. В этом человеке не было ничего, вызывающего хотя бы малейшее раздражение или дискомфорт. Я могла молчать часами, и это не казалось неловким или странным. Словно, он всегда был в моей жизни. В свободное от деловых встреч время мы ходили в рестораны, прогуливались по набережной. И все время, что мы находились вне дома, я чувствовала, будто за нами наблюдают. Напряжение от чужого пристального взгляда оголяло нервы, не позволяя забывать об опасности, в которой я находилась в этом городе.

Солнце клонилось к закату, окрашивая линию горизонта в огненно-оранжевые цвета. Вода отражала дорожку угасающего солнца, готовясь принять на его место луну. Я смотрела на океанскую гладь, на небо, пылающее в лучах закатного солнца, и становилось не по себе от того, насколько все спокойно и тихо. Внутри меня будто жил маятник, реагирующий на затишье, начиная раскачиваться из стороны в сторону, напоминая, что это всего лишь отсрочка. Подняла бокал, обхватывая соломинку губами и делая несколько глотков грейпфрутового сока. Легкая горечь заполнила рот, подкармливая живущего во мне предвестника бури. Андреса не было в городе второй день. Заглушая мысли и тоску, я дни напролет бездумно бродила по магазинам, избегая тех мест, где любила проводить время раньше. Я смотрела на витрины брендовых бутиков, удивляясь ценам на одежду, чьей функцией было лишь прикрытие человеческой наготы и согревание в холода. Раньше я, не задумываясь, могла спустить целое состояние на несколько ненужных шмоток. А теперь, прожив год, стараясь удержать нас с Софи на плаву и работая с детьми из детского дома, наконец-то

поняла, насколько моя жизнь была мелочной и пустой. В моём распоряжении была кредитка Андреса и указание ни в чем себе не отказывать, но меньше всего мне хотелось спускать деньги на не нужные для меня вещи. Я вспомнила своих ребятишек, радующихся любой мелочи, и представила, сколько счастья могла бы подарить им на эти деньги.

Сидеть в кафе на пирсе и смотреть на воду оказалось гораздо приятнее. Каждый раз, выбираясь за пределы особняка в одиночестве, я приходила в это место. Было в нём что-то магическое, избавляющее от тревог.

– Мисс Уильямс? – оцепенела, услышав знакомый голос.

Сердце замерло, боясь сделать очередной удар. Позвоночник сковало холодом, не давая возможности пошевелиться. Я знала, кто это, как и то, что «предвестник» оказался прав. Не двигаясь, стараясь заставить себя отреагировать на приветствие и постараться не загубить дело, сидела целую вечность. Спустя бесконечно долгие мгновения сделала вдох и словно в замедленной съемке повернула голову к потревожившему мой покой. Он стоял, возвышаясь надо мной и отбрасывая огромную тень на стол, перекрывая солнце. Светлые волосы развевались от бриза, а на губах застыла легкая улыбка.

– Мистер Альварадо! – нашла силы нацепить на себя маску и улыбнуться в ответ. – Добрый вечер!

– Даже если не был до этого таковым, то теперь определенно становится, – Ангел сделал шаг навстречу. – Надо же, какая встреча!

– Действительно, неожиданная, – протянула ему руку, посмотрев в глаза, понимая, что сердце пропустило удар.

И снова, как в первый раз, я поразились его необычной внешности. Голубые глаза, пронизывающие тебя насквозь, пытались вытянуть на поверхность все тайны, словно светясь на фоне его смуглой кожи. Интенсивность его взгляда вызвала желание прикрыться, словно стоишь обнаженной, с раскрытой грудной клеткой, и позволяешь увидеть все твои чувства. Я прекрасно знала этот взгляд, впадая в безумие каждый раз, почувствовав его на себе, веря, что Диего знает всю меня без слов. Но теперь он казался особенно сильным, пробуждающим тревогу.

Диего обхватил длинными пальцами мою ладонь, наклоняясь вниз и прикоснувшись к ней губами. Невинное прикосновение запустило ток по всему телу, медленно накаляя его. Чувствовать его кожу на моей было так естественно и, одновременно с этим, волнительно, что хотелось, как можно скорее разорвать этот контакт, стряхнув вместе с ним ненужные ощущения.

– Не возражаете? – оторвался от руки, кивнув на свободный стул.

– Конечно, нет, – задышала полной грудью, не прекращая улыбаться как полная дура.

Диего отодвинул стул, усаживаясь, слегка осматриваясь вокруг.

– Вау! – воскликнул, посмотрев на закат. – Теперь понятно, почему вы не замечаете никого вокруг! Потрясающий вид.

– Именно из-за вида люблю террасу этого кафе, – опустила на стол бокал, удерживаемый до этого момента в руке. – Вы здесь впервые?

– К сожалению, да, – посмотрел на меня, оглядывая лицо. – Но теперь, видимо, буду постоянным клиентом. Вы здесь одна? Не вижу Пабло, – оглянулся по сторонам.

– Дела прежде всего, – пожала плечами, давая понять, что спокойно отношусь к его работе и всему, что с ней связано. – А вы? Тоже в одиночестве?

– Нет, у меня здесь встреча, – кивнул в сторону столика с несколькими мужчинами за ним.

– Вот как, – почувствовала разочарование. Почему-то до этого момента я была уверена, что он выследил меня и подстроил нашу встречу. Эта мысль позволяла мне думать, будто контроль над ситуацией у меня. Но узнав, что у него здесь деловая встреча, засомневалась в своей затее.

– Вас это огорчает? – внимательно смотрел в мои глаза, следя за эмоциями.

– Меня огорчает, что у мужчин в жизни есть место только для работы, – и вновь этот горький привкус во рту, напоминающий об осторожности.

– На месте Пабло я бы не отходил от вас ни на шаг, наплевав на все дела, – с лица Ангела сползла улыбка, позволяя мне снова увидеть его боль.

– Надеюсь, вы не забудете о своих словах, когда у вас появится невеста, – снова взяла в руку бокал, почувствовав, как пересохло во рту.

– Хм, – усмехнулся он, отворачиваясь к горизонту и снова посмотрев на меня.

– Что-то не так? – сделала глоток сока, удерживая стекло в руках и перебирая соломинку.

– Всё чертовски абсурдно, – потёр переносицу, усмехаясь.

– Не понимаю...

– Зовите меня просто Диего, хорошо? – внезапно перебил меня, доставая из кармана пачку сигарет.

– Договорились... Диего, – улыбнулась, наблюдая за тем, как он перебирает пачку в руках, рассматривая её.

– Ситуация абсурдная, – хмыкнул, вытягивая сигарету и прикуривая её.

Не решаясь произнести ни слова, молча следила за тем, как он выпускает клубы дыма, заполняя воздух запахом табака, пробуждающего воспоминания. Он, так же как и я, не произносил ни слова, откинувшись на спинку стула, выкуривая сигарету и поедая меня глазами. У меня перехватило дух от этого вида. Хотелось подойти к нему и прижаться к сильной шее, вдыхая его запах, приправленный сигаретным дымом.

– Нравится? – нарушил молчание.

– Прости, что? – не сразу поняла, о чем он говорит.

– Нравится смотреть, как я курю? – сделал новую затяжку, медленно выпуская сигаретное облако в мою сторону.

– Что тебя натолкнуло на эту мысль? – почувствовала, как краснею. Словно школьница, пойманная на подглядывании в мужской раздевалке.

– Твой взгляд, – не сводил с меня глаз, полностью стерев со своего лица улыбку.

– Я просто задумалась...

– Не правда, – не позволил договорить. – Я знаю, о чем ты думаешь, когда так смотришь.

– Это вряд ли, – рассмеялась в голос, чуть громче, чем сделала бы это в другой ситуации. – Мы видимся второй раз в жизни.

– Пусть так, – с каждым сказанным словом взгляд Диего тяжелел, гипнотизируя меня. – Но в прошлой жизни я знал о тебе все.

Внезапно захотелось зажмуриться и позволить ему продолжить говорить, наслаждаясь звуком его голоса, пускающего по коже мурашки, и не бояться сделать неверный шаг.

– Веришь в реинкарнацию? – прошептала, наклонившись чуть ближе, тихо посмеиваясь.

– Нет, – покачал головой. – Но ты была моей.

От того, как он произнес слово «моей», в животе всё скрутилось, медленно ослабляя узел и выпуская стаю бабочек в дикий полёт.

– Так самоуверенно, – вернула бокал на стол, понимая, что дрожу. – Почему именно я? Осмотрись вокруг, может это был кто-то другой!

– Ты любила смотреть, как я курю. Тебя это жутко заводило, – проигнорировал мой издевательский тон, прожигая меня глазами.

– Даже так..., – сердце в груди набирало обороты, заколотившись быстрее.

– Ты подходила ко мне, вытаскивала сигарету изо рта, накрывала губы своими и вдыхала дым от меня, – опустил взгляд к моему рту, лишая возможности проговорить хоть что-то. – Я проводил языком по твоим губам, проталкиваясь в горячий ротик, лаская руками твою грудь, – перевел глаза к груди, – срывая с тебя одежду, желая чувствовать твою кожу под своими ладонями.

– Прекрати, – почувствовала, как внизу живота расплзлось тепло, а соски предательски стянулись в комочки.

– Я приподнимал тебя, усаживая себе на талию...

– Не надо, – понимала, что требуется прекратить этот безумный разговор.

– ...разрывая мокрые насквозь трусики.

– Хватит! – крикнула, не выдерживая напряжения, охватившего меня. Все звуки вокруг пропали, словно исчезнув по моей команде. Я задыхалась, понимая, что именно этого и добивался Диего – лишить меня равновесия. Он с невозмутимым видом докурил сигарету, не на секунду не разрывая нашего зрительного контакта. А я буквально физически чувствовала все то, о чем он пробудил воспоминания. Губы и кожа горели, словно от его реальных ласк. Каждое слово, сказанное хриплым голосом, отпечаталось на моем теле, напоминая о его власти.

Диего затушил сигарету о пепельницу, не говоря ни слова, и поднялся на ноги.

– Встреча получилась... приятной, – усмехнулся он, застегивая пуговицу на пиджаке, окидывая меня взглядом.

Не в состоянии произнести ни слова, я молча смотрела на него, не зная, как должна отреагировать на подобное поведение.

– Скоро увидимся, Кэндис, – подмигнул, поворачиваясь ко мне спиной и направляясь в сторону своих партнеров.

Шумно выдохнув, я прикрыла глаза, стараясь вернуть себе невозмутимость. Тело горело, сотрясаясь от перенапряжения.

– Чуть не забыл, – вновь слышался его голос.

Вздрагнув, подняла на него глаза, увидев Диего так близко, как не видела уже больше года. Он стоял прямо надо мной, практически прижимаясь к моему плечу бедром. Я затаила дыхание, не понимая, что он задумал. Диего осторожно убрал мою прядь волос за ухо, смотря прямо в глаза. Не произнося ни слова, он дотронулся до мочки уха, опускаясь ниже до ключицы. Я боялась дышать, чувствуя, как пылает кожа под его прикосновениями. Он медленно наклонился ко мне, обжигая кожу горячим дыханием. Будто скованная по рукам и ногам, я выжидала его следующего шага, превращаясь в горячий воск.

– У тебя краснеют ушки, когда ты возбуждаешься, – прошептал, – Как я и говорил, – усмехнулся, выпрямившись и оторвав руку, лишая своего тепла. В следующую секунду Диего уже уходил от меня прочь, оставляя растерянной и возбужденной.

Не медля ни секунды, я схватила сумочку и, кинув деньги на стол, вылетела из кафе. Запрыгнув в машину, обреченно упала головой на руль. Я провалилась. Я, чёрт возьми, выдала себя с потрохами.

Глава 8

– Ты меня совсем не слушаешь, сынок. Делись, что с тобой происходит?

Большой Денни появился в Эл -Эй[1 - Эл - Эй- сокращенное название города Лос-Анджелес] два дня назад. Требовалось обсудить меры предосторожности в связи с участвовавшими облавами и найти способы покрытия убытков.

– Прости, – расправил плечи, отгоняя ненужные мысли прочь. – Я просто плохо спал.

– Снова сны о Луисе или о ней?– обеспокоенно посмотрел мне в глаза.

За последний год я мог по пальцам пересчитать ночи, когда мне не снилась Марина. И стоило ей покинуть видение, как его тут же заполнял брат. По утрам я просыпался не в силах пошевелиться, разбитый, как после нескольких дней без сна. Мне не хотелось подниматься с кровати до тех пор пока не найду подсказку в их явлениях, бесполезно перебирая обрывки, оставшиеся после тревожных ночей. Но единственное, что удавалось понять это то, насколько я никчемное ничтожество. Я клялся брату отомстить за него и маму, уничтожив виновного и заставив страдать его так же, как пришлось моей семье. А в итоге, подарил слишком быструю и легкую смерть. Единственное, за что мог испытывать гордость – это за полное уничтожение дочери врага, ведь именно такой была часть изначального плана. Что вышло в результате? Вместе с ней я раздавил себя, превратившись в бесхребетного слизняка. Всё это время я был противен себе настолько, что не мог разговаривать вслух, передергиваясь от отвращения к собственному голосу.

Перемены во мне были заметны не только приближенным. Спихивая какое-то время бизнес на плечи других, я не беспокоился ни о чем, кроме самобичевания и поисков Марины. Естественно, так не могло продолжаться вечно. Именно тогда состоялся откровенный разговор с Большим Денни. Я знал, что в первую очередь он беспокоится о своих делах, и это не проявление искреннего беспокойства о моём состоянии, как и знал то, что не могу делать вид, будто все в порядке, рассказав ему большую часть происходящего. В тот момент Денни проявил себя неожиданным образом. Он понял меня. Предложив свою помощь в обмен на надлежащее выполнение работы. Босс не дал мне скатиться в канаву, выпнув из бизнеса. С момента нашего разговора он каждый раз интересовался моим состоянием, и я чувствовал, что делается это не просто из вежливости.

– Всё усложнилось, – слова застревали, не желая обретать звучание.

– У меня достаточно времени, чтобы тебя выслушать, – закурил Денни.

– Что ж, – почесал переносицу, делая большой глоток воздуха. – Она нашлась.

– Марина нашлась? – босс удивленно вскинул брови.

Я молча кивнул, наблюдая за восторгом на его лице.

– Что же ты раньше не сказал!– воскликнул он, наклонившись вперед. – Поздравляю! – похлопал меня по плечу. – Ни на секунду не сомневался, что ты вернешь эту девочку.

Я молча принимал его поздравления, не зная, стоит ли вдаваться в подробности. На языке вертелось множество слов, и ни одно из них я не решался озвучить. Втягивание в свои проблемы третьих лиц вряд ли приведет к чему-то хорошему. Поэтому, лучше оставить все при себе.

– Тогда не понимаю, почему ты по-прежнему такой озадаченный?

– Временные сложности в отношениях, – слегка улыбнулся, надевая маску, скрывающую настоящие эмоции.

– Главное, что она нашлась, верно? А с остальным вы разберетесь. Не сомневаюсь, что ты сможешь справиться со всеми препятствиями, – выпускал клубы дыма Денни, прищурившись, вглядываясь в меня.

Смуглое лицо, покрытое родимыми пятнами и глубокими морщинами, завораживало. Я всегда считал, что на восемьдесят процентов своим успехом Денни обязан природному обаянию. Несмотря на сферу деятельности, он располагал окружающих к себе, получая всё необходимое. Не зная, кем он является, люди добровольно раскрывались ему, расплачиваясь за излишнюю доверчивость после. Большой Денни умел получить желаемое без помощи оружия, и лишь тогда, когда дело заходило в тупик, в ход шли всё возможные методы. И в минуты спокойствия, как и в минуты гнева, ему удавалось сохранить невозмутимость и хладнокровие. Эта его способность восхищала и пугала одновременно.словно, решение о том, будет человек жить или гнить где-нибудь в канаве, было чем-то вроде подписи на списке деталей, необходимых для починки автомобиля.

– Верно, остальное не важно, – широко улыбнулся ему в ответ, вспоминая встречу с Мариной в кафе на пирсе.

Узнать, где она находится, не составляло труда. Мои люди следили за каждым её шагом. Поэтому назначить встречу с партнерами именно в том месте, куда она приходила почти каждый день, в надежде на встречу с ней, оказалось вполне логичной идеей. Она была там одна, погруженная в мысли и закат. Чёрт,

даже если её не оказалось тогда на пирсе, то я бы назначал новые и новые переговоры, дожидаясь Котёнка. Мне повезло, что Марина оказалась в нужное время и в нужном месте. Увидев её там в полном одиночестве, я изо всех сил сдерживался, чтобы не схватить Чику в свои объятия и не целовать до тех пор, пока не сотру губы в кровь. Но я потерял право целовать её, как и потерял право прикасаться к ней без разрешения. Она стремилась избавиться от меня так сильно, что придумала идиотскую историю про девушку Кэндис, собирающуюся замуж за придурка Переса, прекрасно понимая в бесполезность подобных легенд. Моей задачей стало сделать так, чтобы она простила меня. Ну а в случае, если её легенда окажется правдой, предстояло влюбить её заново в себя, благодаря бога или черта за свежий старт. Только я не верил в амнезию, как и в существование второй такой же девушки как мой Котёнок.

С бешено колотящимся сердцем я приближался к Марине, предвкушая момент, когда наши глаза встретятся. Я ждал искры узнавания или интереса, искусно прикрытого холодностью и равнодушием. Но передо мной всё так же сидела лишь её оболочка, которую заполнили совершенно другим человеком. Находясь рядом с этой холодной, как лёд, и закрытой девушкой, не знал, в какую сторону нужно двигаться для разрушения выстроенной стены. Но я, чёрт возьми, не собирался притворяться кем-то другим. Однажды она смогла полюбить меня таким, какой я есть, и если это произошло однажды, то я сделаю невозможное и войду в ту же самую воду.

Намерение дать ей время привыкнуть к моему присутствию таяло с каждой секундой, проведенной рядом с ней. Казалось, что чем дольше я бездействую, тем сильнее позволяю расти пропасти между нами. Смотрел в ее глаза цвета моря, вдыхал запах и понимал, что пропадаю. И чем дальше она будет от меня, тем глубже меня будет затягивать трясина отчаяния. Молча смотреть за тем, как моя женщина отдает всю себя другому, равносильно добровольному сдиранию кожи. Роль стороннего наблюдателя не для меня. Счастье Марины было одним из главных моих приоритетов, но только я способен подарить его ей. Пришло время решительных мер.

Неприступная крепость – таковым было новое амплуа Марины. Закрытая на тысячи замков и возвышающаяся надо всеми вокруг. Она пресекала любые попытки дотянуться до неё, превращаясь в восковую фигуру. Все время одно и то же выражение лица, сменяемое приторной дежурной улыбкой. Становилось тошно от подобной фальши и не терпелось, как можно скорее выбить из неё хоть одну настоящую эмоцию. Даже во время нашей первой встречи в ней не

уживалась правильная девочка. Кроме примерной папиной дочки, какой она притворялась, она прятала в себе бунтарку, о существовании которой не подозревал никто. Знакомство со мной выпустило наружу её настоящую, позволив наслаждаться жизнью, потакать своим желаниям, почувствовать себя наконец-то живой. И наблюдая за этой девушкой, контролирующей каждый свой жест и слово, ощущал подступающую тошноту. Лишь проигнорировав ту жирную красную черту, прочерченную ею между нами, и переступив её, я смог получить доказательства того, что моя Марина всё еще там, под пластиковой маской. Лёгкий румянец, проступивший на её щеках после моих слов, напоминающих о нашем прошлом, говорил громче тысячи голосов. Я не был глупцом и видел, как расширяются ее зрачки и учащается дыхание при упоминании о прошлом. И мне не нужно было подтверждений того, что наша близость ей по-прежнему не безразлична. То, как она задерживала дыхание при моих прикосновениях, было весьма красноречиво. И, черт возьми, эта невинная и, в то же время, настолько интимная реакция ее тела вызвала во мне целый ураган эмоций, сдерживаемых невероятным усилием воли. Не хотелось давить на нее, дав пространство и время осознать происходящее, но и отсиживаться в стороне, не предпринимая совершенно никаких действий, оказалось бы совершенной глупостью. Увидев, как Марины выбежала из-за своего столика, я лишь утвердился в своей правоте. Я ей не безразличен. И очень скоро Котёнку придется это признать.

– Только у меня есть одна просьба, – вытянул на столе руку с дымящейся сигаретой Большой Денни.

Я внимательно посмотрел на него, полностью сосредоточив внимание на том, что он собирался сказать.

– Не позволяй личным делам влиять на бизнес. Банда – единственная семья, которая у тебя осталась и которая никогда тебя не бросит. Помни об этом.

Я молча кивнул, соглашаясь с каждым его словом. В действительности, Сангре Мехикано всегда находились рядом со мной, не оставляя даже в самые черные дни. И не следовало пренебрегать своими обязанностями и нашей связью с бандой, как это произошло со мной год назад. Только я прекрасно понимал, что если придется выбирать между Мариной и бандой, выбор окажется не в пользу последней.

– Не беспокойся, Денни. Я тебя не подведу.

– Пусть будет так, – не моргая, проговорил он. – Сейчас главная задача, снизить потери к минимуму, что крайне проблематично в условиях постоянных облав, – вернулся к бизнесу босс.

– У меня есть идея, но она тебе вряд ли понравится.

Как только мы закрыли личную тему, с плеч будто свалился тяжкий груз. Мне не хотелось оправдываться или убеждать Большого Денни в том, в чем сам себе не мог дать никаких гарантий. Проще было по-прежнему держать его, как и остальных, вдалеке от моих личных переживаний, декорируя внутреннюю боль делами и поиском ответов на проблемы банды. Только вот всё то, что действительно меня волновало, предстояло решать в полном одиночестве. В этот раз я не собирался впутывать в свою жизнь никого третьего: только Марина и я. Даже Хавьер не должен знать больше положенного. До сих пор я не смог выявить истинного виновника казни Марины, это пугало гораздо сильнее любых облав и перспективы попасться законникам. В моих рядах водился крот, способный вновь подвергнуть опасности жизнь Котёнка.

– Выкладывай, – затушил сигарету Денни, сложив ладони на столе, переплетая пальцы.

– Хочу на какое-то время приостановить поставку по основным каналам, пустив лишь по запасному и посмотреть, что из этого получится. У меня есть кое-какие подозрения и нужно, чтобы они либо подтвердились, либо, наоборот, развеялись.

– Ты представляешь весь масштаб убытков?

– Нам в любом случае нужно залечь на дно до тех пор, пока копы не забудут о нас. Иначе, помимо материальных потерь, последуют аресты наших ребят, и тогда Сангре Мехикано будет гораздо сложнее расхлебывать всё навалившееся дерьмо.

Денни замолчал, отвернувшись к экрану телевизора, мельтешащему через стекло кабинки. Несколько мгновений он молчал, обдумывая моё предложение. Я следил за его лицом, пытаясь понять, что происходит в его голове. Но босс по-прежнему смотрел на мелькающих в телевизоре китайцев, собравших у экрана

телевизора всех сотрудников ресторана, эмоционально комментирующих на родном языке происходящее на экране. Сегодня мы решили встретиться за пределами владений Сангре Мехикано, избегая любой возможности прослушки. А если в банде находился крот, в чем я не сомневался, то любые гарантии приватности разговора отсутствовали. Чайна-таун являлся одним из немногих мест в городе, где можно было спокойно обсудить проблемы и при этом не бросаться в глаза. Местные настолько привыкли к туристам, что не особенно присматривались к новым лицам.

Денни начал отстукивать пальцами ритм, выходя из своеобразной комы.

– У тебя не больше недели. Попробайся вытянуть нас из этого болота, сынок, – посмотрел мне в глаза.

– Сделаю всё возможное, – проследил, как босс поднимается, кинув несколько купюр на стол, и покидает кабинку, зазвеневшую музыкой ветра.

Не медля, достал телефон, набирая номер Хавьера.

– Назначь встречу с Пересом сегодня же. Буду только я.

Игра началась.

Шумное и чертовски дорогое открытие отеля, кричащее о сотнях тысяч долларов, потраченных на пьянку для местной элиты, которая никогда не станет тратить деньги в этом заведении. Вспышки фото и телекамер, блестящие и чрезмерно откровенные вечерние платья, одинаковые улыбки с ослепительно белыми зубами и много, много зависти. Я ненавидел подобные мероприятия, как и вращающуюся на таких вечерах публику. Эти люди знали много лести, приправленной желчью и злобой, проникающей в каждую пору и разъедающую тебя изнутри. Всякий притворялся другом, благодетелем, пытаясь убедить в незаменимости своей персоны в твоей жизни, но ни одно слово не оказывалось искренним. Чистая выгода, расчет и гребаная ложь. При посещении таких мест появлялось навязчивое желание спалить к чертям алчных ублюдков, не знающих ничего кроме корысти. Человечество ничего бы не потеряло, если бы кучка жадных до славы и денег людишек перестала навязывать молодежи ложные идеалы с экранов телевизоров. Но уничтожив одних, я бы не искоренил

проблему полностью, так как подобное дерьмо не убиваемо. И на смену одним в ту же секунду придут другие, но уже в большем количестве.

Несмотря на срочность встречи, меня напрягало то, что уже второй раз подряд Пуэрториканец назначает место для разговора посреди вечеринки. В такой обстановке сложно обсуждать дела, тем более на нейтральной территории. Но, будь я на его месте, то поступил бы именно так. Тем не менее, он явно не доверял мне и, возможно, боялся. Что тоже вполне оправданно и умно с его стороны, но совсем не на руку мне.

Но оказался и один огромный плюс в выборе места для встречи: Марина была с ним. Я увидел их сразу же, как только зашел в банкетный зал. Прекрасная, как нимфа, в фиалковом платье, оттеняющем её фарфоровую кожу и подчеркивающим нежность, Котёнок стояла с бокалом шампанского в руке, держа Переса под локоть. Небрежно уложенные волосы, придавали ей ранимости, напоминая лишний раз, что она не такая холодная, какой хотела бы казаться. Я до сих пор не мог привыкнуть к её стрижке, чувствуя, словно вместе с длинными локонами, она лишилась всех воспоминаний о нас, и тогда сердце стискивало раскаленными щипцами, сжимая его с такой силой, чтобы оно лопнуло раз и навсегда. Я любил смотреть на неё, на тонкую длинную шею, любил наблюдать за поворотом её головы. Казалось, что в Марине нет ни единого изъяна, даже её острые обнаженные лопатки, пробуждали во мне звериные инстинкты. Пусть она и пыталась казаться стойкой и сильной, но всё еще была ранимой девушкой, нуждающейся в заботе и ласке, именно в том, в чем я с треском провалился, не сумев дать. Наблюдать за ней было одним из моих любимых занятий, но если честно, я предпочитал это делать, когда она лежала на соседней подушке, а не выходила в свет под руку с каким-то придурком в качестве его трофея. Глядя на них вместе, я закипал, зная, что не вынесу еще одного вечера, приправленного их прикосновениями, поцелуями и жаркими взглядами. Достаточно было мыслей о том, как они проводят время наедине, и всё нутро покрывалось бурлящими кратерами. Как бы я не старался выкинуть подобные мысли из головы, сосредоточившись на сделке и постепенном отвоёвывании девушки, но мьерде! Один взгляд на их счастливую идиллию – и план начал трещать по швам. Только вот с катушек слетать мне никак нельзя, иначе я подведу не только Большого Денни, но и нас с Котёнком. Не думаю, что смогу заполучить ее путём публичной драки. Нет. Это только оттолкнет её от меня ещё дальше.

Они разговаривали с парой голливудских знаменитостей, словно были частью их мира. Говорил в основном Перес, а Марина смеялась, слушая его. Магма, бурлящая во мне, заменила кровь, сжигая изнутри. Я медленно приближался к ним, позволяя злости завладеть мной на эти несколько метров до того мгновения, как разом придется взять себя в руки. Упиваясь гневом, я представлял, что сделаю с Пуэрториканцем, когда Марина вновь будет со мной, а бизнес вернется в прежнее русло. Картинки того, как под кулаками смазливое лицо Пабло превращается в кровавую отбивную, успокаивали, охлаждая жидкий огонь, текущий по венам. Я не видел и не слышал больше никого и ничего, кроме своей девушки под ручку с посторонним мужиком. Шум вокруг смолк, оставляя лишь звук моего дыхания. Каждый шаг отдавался молотом в голове, и чем сильнее я приближался к ним, тем яростнее хотел позволить вылиться злости. Шаг, второй, третий, достаточно протянуть руку – и я схватил бы Переса за самодовольное лицо, сделал глубокий вдох и...утонул. Два бездонных бирюзовых океана, затянули меня в свою бездну, заставляя забыть обо всем. Она смотрела широко раскрытыми глазами, будто догадавшись о том, что у меня на уме, и весь мир будто перестал существовать. Да, черт возьми, как в гребаном фильме. Только Марина и я, как в мечтах или как во времена нашего счастья. Котёнок шевелила губами, но я не слышал слов, позволяя моменту растянуться. Она явно что-то говорила, привлекая внимание. И тогда мир вновь обрушился мне на голову.

– Что с вами?– повторила она.

– Простите, задумался, – натянул улыбку, взяв себя в руки. – Добрый вечер, – поприветствовал собравшихся вокруг будущей четы Пересов. – Надеюсь, не помешал?

– Пабло как раз рассказывал о том, какой конфуз с ним произошел со Стэнли Бёрч, когда он назвал его музыку феноменальной, а тот лишь поблагодарил его, – зашебетала рыжая актриса с перекаченными сиськами, мелькающая по всем каналам.

– Не слышал его музыки, – честно признался, не вспомнив этого имени.

– И вы туда же! – рассмеялась девушка.

– Оказывается, он режиссер, – прикинулся смущенным Перес.

Компания собравшихся разразилась смехом, и мне не оставалось ничего иного, как сделать вид, будто тоже считаю это охренительно смешным.

– Кажется, мы незнакомы, – слегка прищурившись, осмотрела меня с ног до головы рыжая. – Джейн Портер, – протянула руку.

– Диего Альварадо, – поцеловал кисть, окидывая взглядом фигуристую девушку. – Очень приятно, – улыбнулся, зацепившись глазами за пышную грудь, поднимаясь к слегка прикушенной пухлой губке.

– Это Джейсон Стивенсон, – махнула рукой на стоящего рядом загорелого мужика с неестественно белыми зубами.

– У вас знакомое лицо, – пожал руку Стивенсон. – Мы не могли раньше встречаться?

– Если только вы любитель просматривать криминальную хронику, – нахмурился, наблюдая за тем, как стекленеют его глаза, а уголки рта опускаются, оставляя рот бессмысленно открытым.

– Мне нравится ваше чувство юмора, Диего, – рассмеялась рыжая, дотрагиваясь до моей руки. – Остальные тут же присоединились к ней, заполнив воздух фальшивым смехом. – Обожаю эту песню! – взвизгнула она, оставляя бокал в руках у Стивенсона и вытягивая меня в центр зала, где вертелись десятки потных тел.

– Простите, но сперва мне нужно..., – попытался избежать танцев, посмотрев на Переса, надеясь, что он остановит эту ненормальную.

Мерзавец Пабло лишь пожал плечами, посмеиваясь над моей беспомощностью, в то время как напористая девка уже вжалась в мою грудь силиконовыми сиськами. Она обвила руками шею, перебирая пальцами мои волосы. Чёрт! Только не сейчас. Снова повернул голову в сторону Марины и Переса и крепко стиснул зубы. Увидев, как обняв её за талию, он прижал девушку к себе, закружив в танце и выводя на танцпол.

«Что ж! Тогда стоит ответить на дружелюбие Джессики, или как там зовут эту сучку. Она может принести пользу», – обнял её за талию, крепче прижимая к себе, повторяя движения её бедер.

– Наконец-то среди этой скучной мишуры появился кто-то интересный, – словно промурлыкала девушка, меняя руки местами на моей шее, поворачиваясь спиной и не убирая головы с моего плеча.

– В тебе есть огонь, – потёрлась ягодицами о пах.

– А в тебе, похоже, целый пожар, – провел ладонями от её бедер вверх к груди, чувствуя, как в брюках становится тесно.

– М-м-м-м, вот так, – закрыла глаза, накрывая мои руки своими, продолжая вилять бёдрами.

– Чёрт! – разозлился, понимая к чему это все ведет. Эта девка выбрала самый неподходящий момент из всех возможных, и нужно было решать эту проблему немедленно. – Если продолжишь в том же духе, то я загну тебя прямо здесь, – прошипел, стараясь думать о чем угодно, только не об упругой заднице, трущейся о мой член.

– Давай уйдем, – слегка наклонилась вперед, сильнее вдавливаясь в меня попкой.

– Чуть позже. Сначала мне нужно решить кое-какие дела, – взял её за плечи, поворачивая лицом к себе, держа на расстоянии.

– Не будь занудой, – облизала губы, опуская ладонь к моей ширинке.

Вовремя перехватив её руку, отодвинул девуку от себя, заглянув в глаза. Расширенные зрачки блуждали по мне, не задерживаясь на одном и том же месте дольше доли секунды. Твою мать! Икона нового поколения под наркотой.

– У меня дела, – сжал зубы, пересиливая отвращение.

– Я всё поняла, – приблизилась к моему лицу. – Ты просто чёртов педик, как большая часть этих ничтожеств, – зло расхохоталась, вновь оплетая мою шею руками.

Резко схватил её запястья, отпихивая в сторону.

– Охладись немного. А еще лучше отлежись в клинике, – развернулся, больше не желая слушать претензии обдолбанной девки.

– Чёртов ублюдок, – услышал за спиной, но даже и не подумал вновь повернуться к ней.

Меня не раздражали женщины, предлагающие себя мужчинам. Не видел в этом ничего предосудительного. Единственное, что я ненавидел всем своим существом – женщин, принимающих наркотики. Худшее, что может сделать человек со своей жизнью – это отдать её иллюзорному миру, полностью потерявшись в настоящем. Самое жуткое, что может сделать женщина, не владеющая собственным разумом – завести семью. И самое непростительное, что случается с женщиной, успевшей подарить жизнь другому человеку, спустить в унитаз настоящее и будущее своего ребенка, растворившись в наркоте. Пусть это странно, слышать подобные признания от человека, способствующего распространению этой дури. Но для меня это – всего лишь бизнес. А вступать на путь полной деградации и самоуничтожения – это дело каждого. Поэтому любой, решивший попробовать для опыта хотя бы раз в жизни наркотики, сознательно уничтожает себя и любящих его людей. Вот, почему я презирал до тошноты не только матерей принимающих наркотики, но и женщин наркоманок в целом. Они, как и моя мать, уничтожали зависящих от них людей, день за днем убивая их вместе с собой, даже не задумываясь, какой урон наносят их жизням. Не понимали и того, что стать нормальными уже никто и никогда из них не сможет.

Захотелось отмыться от прикосновений рыжей. Кожа словно покрылась белым порошком, разлетающимся при ходьбе по залу. Самое время спустить пар, только уйти, не решив основных вопросов, я не мог. Посмотрел на танцующую Марину, и стало невыносимо дурно. Нежная, хрупкая, гордая. Такой разительный контраст между ней и той актрисулькой, считающей себя лакомым кусочком. Впрочем, как и вся моя жизнь до появления в ней Котёнка и после. Познав истинное счастье, вряд ли смогу довольствоваться жалкими суррогатами, пытающимися подsunуть мне подделку. Перес нежно и в то же время по-

хозяйски обнимал её, что-то нашептывая на ухо, а Марина лишь улыбалась и молча кивала на каждое его слово. Она сияла, просто находясь рядом с ним. В то время как я, глядя на них, лишался остатков света, благодаря которому вышел из беспроглядной тьмы. Почему-то даже не возникло прежней злости, лишь безысходность и отчаяние выплыли на поверхность, напомнив о себе. Твердым шагом я приближался к танцующей паре. Мне требовалось немного нежности Марины, чтобы перекрыть отвращение к самому себе и напомнить о смысле жизни. Только рядом с ней я забывал об окружающем уродливом мире, растворяясь в настоящем.

– Позвольте мне украсть ненадолго вашу даму?– дотронулся до плеча Переса, не отводя глаз от Марины.

– Только если обещаешь вернуть.

– Как знать, – улыбнулся, протягивая руку Марине.

Перес оставил на щеке невесты лёгкий поцелуй и, похлопав меня по плечу, покинул танцпол.

Марина смотрела ему вслед, не решаясь заглянуть мне в глаза. Значит, всё же наша последняя встреча произвела на неё впечатление, и теперь она чувствует себя неловко. Что ж, это именно то, чего я добивался. Нарушить равновесие – одна из самых основных задач, и, по всей видимости, она достигнута.

Приглашая на танец, протянул руку, дожидаясь ответа. Марина повернулась, подняв глаза на меня, тут же опуская веки и вкладывая хрупкую ладонь в мою. Её щеки окрасились в ярко-розовый цвет. Я положил руку ей на талию, не решившись испугнуть прикосновением к обнаженной спине.

– Тебе очень идёт фиалковый, – повел в танце, не отводя взгляда от длинных бархатных ресниц и нежного румянца на щеках.

– Спасибо, – ответила Марина. – Это мой любимый цвет.

– Теперь понимаю почему, – провел большим пальцем по её руке, наслаждаясь ощущением под пальцами шелковой кожи.

– Ты очень быстро сбежал от Джейн, – поспешила сменить тему Марина.

– Не оказалось общих тем для разговора.

– А со стороны казалось, будто вы очень быстро нашли точки соприкосновения, – всё ещё не поднимала глаз Котёнок.

– Ты следила за мной, – усмехнулся, ревнивые нотки в её голосе.

– Не за тобой, а за Джейн, – посмотрела вверх, встретившись со мной взглядом. – Мне она интересна как человек. Всё-таки она выдающаяся актриса.

Попытки Котёнка придать взгляду невозмутимость забавляли меня. В то же время её откровение развеяло тучи над головой, выпустив солнце.

– Она очередная пустышка.

– Ты так быстро сделал выводы о незнакомом человеке? – в её глазах промелькнула презрительность.

– В нашем бизнесе не может быть по-другому. Пока ты присматриваешься к кому-то, он может уже несколько раз тебя кинуть.

– И что же ты делаешь во избежание этого? Кидаешь его первым?

– Я за честный бизнес, – понимал, к чему она клонит.

– Честный наркоторговец. Так и вижу подобные надписи на агитирующих плакатах, – фыркнула она. – Такие, как ты, не ведают, что такое честь.

– У нас она своя, особенная.

– Кровавая, – в голосе девушки послышалась боль.

– Не забывай, что Пабло живет по тем же законам, – я не понимал, что она пытается сделать. Мне не нужно было напоминать о том, какой я человек, как и

взывать к совести. Получалось, что она напоминала себе о моей натуре.

– В бизнесе – да, но не в жизни, – в глазах Марины промелькнула боль, быстро сменившаяся равнодушием.

– Чем он взял тебя? – продолжал крутить в танце Котенка, раздражаясь от нового упоминания об идеальном Пабло.

– Что, прости? – озадаченно посмотрела на меня.

– Как он смог тебя получить? Неужели нежностью и долгими ухаживаниями? – для моей Марины этого было недостаточно. Она заслуживала лучшего, несомненно, только не банального и скучного.

– Это не твоё дело, – спина Марины напряглась под моей рукой.

– Или бешеным сексом? – меня уносило. Чем больше я начинал думать о ней с пуэрториканцем, тем сильнее стирались границы допустимого. – Неужели, он трахнул тебя так сильно, что воспоминания о прошлой жизни стерлись. Словно и не было ничего?

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, – попыталась отдалиться от меня.

Сжав крепче руку, сильнее прижал её к себе, не позволяя уйти.

– Я не верю, что ты забыла мои поцелуи, мои прикосновения, – поднял руку с талии вверх по спине, прикасаясь к прохладной гладкой коже. Провёл пальцами к шее, оставляя после себя на шёлке её кожи мурашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эл – Эй- сокращенное название города Лос-Анджелес

Купить: https://tellnovel.com/german_yuliya/venganza-rokirovka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)